

Иман
КАЛЬБИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ПЛОХАЯ

Иман Кальби

Плохая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68340511

SelfPub; 2022

Аннотация

Я в его плену. Он страшный человек – и мне нужно его бояться. Я завишу от его прихоти и воли. Когда он смотрит на меня своими черными, глубокими, как бездна глазами, внутри все замирает. От страха или от трепета? С каждым днем что-то нехорошее, темное, порочное между нами становится все более ощутимым, осязаемым. Этот вулкан скоро начнет извергаться... Смогу ли я выжить или сгорю, захлебнувшись в этой лаве?#Мир_Одержимых_наследников #Очень_откровенно
#Горячий_Восток #Противостояние_характеров
#Сложные_отношения #Властный_и_опасный_герой
#Похищение #Героиня_цинична_и_с_черным_юмором #ХЭ
#ОднотомникСодержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	67
Глава 8	74
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Иман Кальби

Плохая

Глава 1

*Все события и персонажи в романе- вымысел автора.
Любые совпадения с реальностью – случайность.*

Глава 1

Ливан,

Отель Интерконтиненталь Мзаар резорт

Ливан по-арабски называется Лебанон. На самом деле, это не арабское слово, древнеарамейское. Кстати, здесь вообще ко всему можно смело приставлять «древне-». Не прогадаешь. Более «натоптанных» и исхоженных троп свет не видывал. Часть «Земли обетованной», как никак... Правда, давно населенная одними из самых порочных людей на свете. Впрочем, про порок мы еще успеем. Впереди будет много про порок. Пока о красивом, возвышенном. Итак, Лебанон...

Что я там говорила? Да, В переводе с древнеарамейского это означает «молочные горы». Все, кто хоть раз здесь побывал, сразу поймут, откуда такое название. Поэты будут восхищаться стелящимся белесым вуалям по витиеватым и

крутым виражам упирающихся в тучи и даже протыкающих небо гор. Прозаики сухо дадут факты в ответ: влажный воздух со Средиземноморья, на берегу которого Ливан и раскинулся кривой сеткой рыбака, поднимаясь по склонам, охлаждается и образует облака и туманы. Вот они-то и свисают красивыми тюлями на склонах подобно драпировкам на платьях именитых ливанских кутюрье. Это очень красиво. И что бы кто ни говорил, романтично. Даже прозаики будут вынуждены признать.

Я вот, кстати, вполне себе прозаик. Но этот пейзаж... Он действительно трогает что-то глубоко в душе. Там, под панцирем равнодушия и цинизма. И даже если вы «разбойник, мытарь или блудница», как в стихотворении у Н.Гумилева[1], этот вид- раскрывшая свои щедрый подолы долина, укутанная сливочными облаками, вас, несомненно, тронет...

Сейчас я стою на террасе номера-люкс пятизвёздочного отеля как раз с таким видом. Внизу стелется молочный туман, сверху падают большие и пышные хлопья снега. Я знаю, что если спуститься всего на пару сотен метров- в соседнюю Фарайю, там уже будет дождь. Наверное, если бы я была поэтом, сейчас на душе у меня тоже был бы дождь, но... На самом деле, у меня на душе сейчас ничего. Пустота. Правда, грудь почему-то сильно сжимает, поэтому я со всей силы, до посинения костяшек на руках, сдавливаю перила балкона нашего шале, кутаясь в белый норковый полушубок, накиннутый поверх полупрозрачного домашнего платья. Схва-

тила первое, что попало под руку, когда выбегала сюда, на свежий воздух. Мама бы сейчас меня поругала, сказала, что опять на мне дорогая и непрактичная вещь- действительно, кто придумал эти полушубки с рукавом три четверти и едва прикрытой поясницей? Что такое может согреть? Зачем вообще ради этого убивать бедных животных? На последний вопрос я хочу отвечать меньше всего, потому что давно для себя определила, что никогда и ни при каких раскладах не буду гнаться за эфемерной вселенской справедливостью. Нет, я не спасу этот мир. От моих нелепых метаний голодающие в Африке едва ли начнут жить лучше, а развитые страны не станут возвращаться в Средние Века, отказываясь от своей промышленности, чтобы мир стал чуточку чище.

Я давно научилась одному важному и простому правилу выживания- думать только о себе. Оберегать себя. Себя Спасать. Холить и лелеять-тоже только себя. В этом нет никакого эгоизма, не спешите меня осуждать. Поверьте, еще будет, за что. А за это не стоит. Это отнюдь не эгоизм. Это, если хотите, правило безопасности в самолете- обеспечить кислородной маской сначала себя, потом других. Так и у меня- сначала я спасу себя, а потом помогу тем, кто нуждается в моем спасении. Благо, что таких немного. Только мамочка...

Моя мамочка... Наверное, мы скоро увидимся и она снова будет смотреть на меня с любовью и укором. Все так же будет втихаря плакать украдкой о моей непутевой судьбе, попивая элитный британский чай из сервиза Ерме на своей

новой красивой кухне. Да, наверное, сложись у меня все иначе, то сервизов и кухонь бы не было, зато было бы то самое эфемерное в наименьшей степени, чем вселенская справедливость, «счастье». Нечто прекрасное и ужасное, что так отчаянно все ищут, но так и не могут найти...

—Алиина, Вы будете собирать вещи?—слышу позади противный голос помощника Али. Индийский козел. Так и не научился произносить мое имя за все эти годы, пока мы были вместе с его начальником. И исправлять даже уже смысла нет. Всё равно я скоро его уже не увижу. Хотя одна хорошая новость за сегодня, честное слово.

—Мне особо нечего собирать, Раджаб,— бросаю я через плечо небрежно. Мой пульс все еще отбивает аллегро. Голова все еще покруживается. Пару минут- и я буду в норме. Тогда и займусь барахлом.

—Ваш вылет в шесть вечера. Еще в Бейрут спускаться по серпантину. На перевалах может быть снегопад, так что я бы посоветовал не затягивать с выездом, если Вы не хотите лететь на регулярном рейсе, а планируете воспользоваться прощальным жестом доброй воли шейха Али...

Я усмехаюсь себе под нос. Али и добрая воля- звучит так же абсурдно, как попытки этого напыщенного индийского индюка с серо-желтым, изрытым шрамами от прыщей лицом меня сейчас поучать. Я знала, что все эти годы он тайно меня хотел. Дрочил на мои фото, украдкой подсматривал за нами и даже несколько раз воровал мои вещи- нижнее белье и ду-

хи- пару лет назад я стала замечать пропажи. Я закрывала на это глаза, потому что вот такое вот тихое обожание лучше, чем затаенная обида и ненависть. В моем деле иметь врагов-непростительная роскошь. Я хоть и вращаюсь в мире больших рыб, все равно маленькая и хрупкая. Они хвостом махнут, воду ртом загребнут- меня и нет.

Оторвалась, наконец, от цепляющего вида и вернулась в спальню. На незастеленной кровати все еще валяется бордовая рубашка Али. Пижон. Как же он любит такую вычурность. Все-таки он раздражающий. И как столько лет я его терпела? Глаза пробежались по люксу. Мда, а вещей-то не так мало, как казалось. А собирать лень. Оставить что ли? Мама бы сейчас меня услышала- дала бы жару. Оставлять. Еще чего... А ведь и правда. Еще чего... С чего это я им что-то должна оставлять? Я вообще по жизни ничего никому не должна. Тем более таким, как они... Хозяевам жизни, чертовым пупам земли, только и умеющим, что транжирить денежки именитых родителей...

Подошла к гардеробу. Обнаружила свой чемодан и спортивную сумку Али. Вытряхнула из нее какие-то пару его тряпок. А ничего так сумка. Луи. Заберу себе. Он-то точно не обанкротится. Зашла в ванную. Сгребла одним движением свои крема и косметику. То же самое проделала с шифоньером. Побросала платья и прочее барахло прямо с вешалками. Следом отправились сапоги и туфли. Мне хватило полу-

часа, чтобы собраться. Переоделась в удобные джинсы, свободную белую сорочку и все тот же белый полушубок. По прилету на родину, должно быть, будет сильно холодно. Ну, да ничего... Разберусь. Северная девочка...

—Я всё,— сухо произнесла я, выкатывая багаж в гостиную люкса, где меня дожидался Раджаб.

Он оторвался от экрана своего телефона, удивленно посмотрев на меня. Скушал? Идиот. Все еще удивляется. Неисправимый кретин. Только факт того, что Али- кретин еще больший и держит его пока в его кресле...

А вот и Его Высочество собственной персоной. Неудивительно. Как у нас говорят, вспомнишь г..., оно и появится.

—Собралась?—спрашивает, стараясь избегать зрительного контакта со мной. Точно, кретин. Думает, наверное, что я сильно сожалею. Наивный.

—Да, всё собрала. Готова выезжать,— отвечаю я мягко и бодро.

Он удивленно поднимает на меня глаза в итоге. Наверное, ожидал моих слез, а может быть, молитв и причитаний.

—Раджаб, выйди,— говорит сухо.

Мы остаемся совсем одни в спальне. Если бы мои чувства сейчас хоть как-то были задеты, наверное, можно было бы описать момент как напряженный. Но на самом деле я не чувствую сейчас ничего. От слова «совсем».

— Мне жаль, что так вышло,— говорит он немного хрип-

ло, -но ничего не поделаешь, Алёна, надо идти дальше. И тебе, и мне...

Это уж точно. Особенно тебе. Как в игре «Супер-Марио», если помните такую. Когда усатый человечек в смешном синем комбинезоне и нелепой красной кепке упирался в стену и просто переставлял ноги на месте, имитируя движение.

—Али, давай без громких фраз. Все нормально... Мы действительно превысили лимит Отмерянного нам времени. И ты действительно должен браться за ум. Доводы старшего брата справедливы. Положение при власти семейства Макдиси в Эмиратах неустойчиво. Брак родного брата правителя на добропорядочной девушке из враждующего бедуинского клана укрепит ваши позиции, твои укрепит, Али. У тебя всегда была не самая лучшая репутация. Наверное, пришло время это исправлять, разменяв четвертый десяток. Пора...

Подхожу, касаюсь его щеки. Он перехватывает мою руку и целует. Как мило... Али ли это?

—Хара (араб.— черт), Алёна, если бы ее семейка не поставила жесткое условие, чтобы тебя не было, я бы не пошел на такие радикальные методы. Привык к тебе...

—Али, хватит. Наверное, мне пора. Лучше приехать в аэропорт заранее. Сам подумай- погода ужасная, внизу, должно быть, дождь. На серпантине может быть гололед. Да и в Бейруте ситуация напряженная. У них же очередной правительственный кризис. Клань опять бастуют и показывают мускулы. Опять перекроют улицы, начнут жечь покрышки и

палить в воздух. Это Ливан...

—Да уж... Свободная страна...

Усмехаюсь про себя. Разве так выглядит свобода? Свобода творить всё, что заблагорассудится? Устраивать политический кризис из-за затушенного не в том месте бычка сигареты? Ах, да, простите. Не сигареты, сигары. Здесь все чрезвычайно элегантные и напыщенные. Ливанцы любят сигары. Пафос и понт. Он у них дороже всего.

Он провожает меня до лифта, дальше не идет. Правильно, смысл? Все равно шакал Раджаб где-то там внизу наверняка вертится. Даже знаю, почему...

—Напиши, как прилетишь...

—Не буду, Али. Ни к чему. Ты все равно узнаешь, что я долетела. Я же, как сказал твой слуга, по твоей «доброй воле» лечу на частном самолете. Невиданная роскошь для эскортницы.

Он разворачивает меня к себе. Смотрит в глаза.

—Ты знаешь, что стала больше, чем эскортницей, Алёна.

На секунду маска отчужденности и цинизма каким-то неведомым моему сильнейшему самоконтролю образом слетает с лица подобно тому, как слетают с лица фильтры в Инстаграм. Я смотрю на него уязвленно и даже словно бы чувствую чуть заметный укол боли в сердце. Глаза начинает щипать. Но только это явно не из-за Али. Из-за себя.

—Нет, Али. Я всегда была только эскортницей. Плохой девочкой. И твоя невеста совершенно права, что отлучает ме-

ня от тебя. Она мне не конкурентка. Пройдет пару месяцев после того, как вы поженитесь. Может и раньше, если твой брат этот вопрос не проконтролирует, у тебя появится новая игрушка помимо многочисленных одноразовых кукол, которые были до меня и при мне. Но ей будет несказанно проще с ними бороться. Потому что они будут такими же наивными, неопытными и глупыми, как она... А меня ей не победить...

На самом деле, я говорю это для себя, не для него. Потому что тридцатилетним «теткам» в этом безжалостном мире наглых и молодых только и остается, что кичиться своим опытом...

Он молча вздыхает.

—Деньги на твоём счете, Алёна. Как уговорено. Пятьсот тысяч.

Показываю ему рукой, что все зашибись и улыбаюсь в тридцать два зуба, пока двери лифта не закрываются.

Улыбка сходит с моего лица моментально. Надеюсь проскочить к машине как можно быстрее и незаметнее, потому что знаю, что липкие большие хлопья снега сейчас приклеятся к волосам, а мне нравится моя укладка.

—Алина,— слышу противный голос сбоку, когда окунаюсь в уличный холод, выбегая из вертушки входной группы. Невольно кривлюсь, не в силах скрыть неприязнь.

—Прощай, Раджаб,—не поворачиваю на него голову и не сбавляю темпа.

Он всё же подбегает и всовывает мне в руку визитку.

–На, это мой секретный номер. Его даже Али не знает.

Звони, если что...

Я ничего не говорю. Сажусь в автомобиль с ожидающим меня водителем Мишелем, моим извечным спутником в поездках по Ливану всякий раз, когда мы сюда приезжали с Али. Криво усмехаюсь.

«Если что»... Знаю я это их «если что». Мы отъезжаем пару метров от гостиницы. Я открываю окно и швыряю на мокрый грязный асфальт под колеса уносящего меня прочь Мерседеса его визитку.

Зимний ветер с азартом заскакивает в салон и треплет меня за волосы. А еще царапает глаза. Которые сейчас влажные от собравшихся в них невыплаканных слез...

[1] Речь идет о знаменитом стихотворении Н.Гумилева «Я и Вы» («Да, я знаю, я Вам не пара»)

Глава 2

Глава 2

Не верь. Не бойся. Не проси.

Мир узнал про эту простую тюремную истину благодаря романам А.И Солженицына[1]. Смысл ее в том, что заключенному, дабы не сделать свое положение в тюрьме еще хуже, не стоит доверять другим, не стоит проявлять страх перед угрозами или надеяться на помощь посторонних. Это мир, в котором каждый за себя. Это война одного против целого мира. Война на выживание. Если не физическое, то уж точно моральное. Мало кто знает, но это и наш лозунг.

Наш-это кого?,– спросите вы, если еще не поняли. Эскортницы, содержанки, гетеры, дамы сердца, шлюхи, женщины с низкой социальной ответственностью... Сколько же эпитетов, определений и сравнений нам давали за долгую человеческую историю. Таких, как мы, любили и благодетели. Таким, как мы, бросали к ногам целые состояния, через таких, как мы, могли управлять самыми сильными мужчинами в этом мире. Такие, как мы, получали вслед самые гнусные, самые черные проклятия хороших, праведных, добропорядочных женщин. Таких, как мы, втоптывали в грязь уже вечером те самые мужчины, кто еще утром сотрясался в экстазе в наших постелях. Никто не сносил на своих плечах столько стыда и позора, как мы. Эпохи сменяли друг

друга, империи расцветали и падали, революции свергали старых правителей и приводили к власти новых... Только мы оставались на своем месте. Только мы были всегда нужны- неважно, речь идет об утопающей в золоте рококо эпохе французского Людовика XV или уверенно шагающего в кирзачах с красным знаменем коммунизма. Потому что миром правит похоть. Вот его главная вера. Все остальное- приложение. Даже власть. Люди стремятся к власти из-за возможностей. Что дают возможности? Право обладания... Чем человек хочет обладать? Тем, что приносит ему удовольствие. Удовольствие- это похоть. Можно, конечно, поспорить. Только этот спор из разряда «что появилось раньше- яйцо или курица».

Я не родилась в эпоху пышных кринолинов и кирзовых сапог. Не родилась афинской гетерой или венецианской куртизанкой. Я родилась в маленьком украинском городке. Милой, доброй девочкой. Мечтающей о большой любви, красивой семье, уютном быте, когда любимый накормлен вкусными пирогами, а детишки мирно спят, посапывая в своей милой, со слониками на стенах, светлой детской. Но судьба имела на меня другие планы или я на неё.

Плохая... Как часто я слышала эту фразу в спину, когда шла к подъезду родителей, выходя из очередного дорогого автомобиля. До тех пор, конечно, пока благодаря тому, что я была «плохой», не перевезла их в красивый частный дом в элитном пригороде Подмосковья. В детстве мне казалось,

что слово «плохой» применимо только к злодеям, совершающим плохие вещи в отношении благородных героев. Так всегда бывает в сказках. Только вот в сказках для взрослых, как оказалось, чтобы быть «плохой», вовсе не нужно совершать злобные вещи, да и главные герои, на поверку, едва ли отличаются благородством. Но все равно, эта истина не мешала мне быть «плохой» в глазах посторонних. Потому что социум еще до Рождества Христова определил, что есть хорошо и что плохо. Блудница- это плохо. И плевать, что заставило ее стать такой.

Моя история началась банально. Таких, как я, сотни, а то и тысячи. Яркие и доступные славянки, разбросанные по лоскутообразной карте богатого и жестокого Ближнего Востока... Самые красивые, самые добрые, самые дешевые. Мы думаем, что летим на блеск их золота и бриллиантов, как пчелы на мёд- готовые жалить и собирать. А на поверку оказываемся нежными ранимыми мотыльками, сгорающими в огне их черных лукавых глаз. Они принимают нашу доброту и открытость за глупость, а бескорыстность – за дешевизну и доступность. Как бы ты ни горела ради них, ты все равно будешь «плохой». Развратной. Гулящей. «Наташей», «шармutoй», «васхой»... Я поняла эту истину довольно рано, почти сразу, как попала в этот мир. И поэтому сразу для себя решила- раз уж быть плохой, то хотя бы задорого. Поэтому я сделала все, чтобы стать лучшей из «плохих».

Машина совершает крутые виражи на скользких поворотах. Только бы доехать целой и невредимой до этого аэропорта чертового, не упасть в пропасть по пути. Здесь такое случается нередко. Особенно с безбашенными ливанскими водителями, способными в стельку пьяными садиться за суперкары на лысой резине и мчаться зачем-то в горы- «поиграть в снежок», «попить глинтвейна» или выгулять подружку в новой норковой шубе. В какой “снежок” они здесь играют, я тоже прекрасно знаю. Али- знатный любитель таких игр.

В сущности последнюю неделю он этим и занимался. С недавних пор Ливан стал единственным пристанищем его пороков. С тех пор, как старший брат Фахд, правитель Дубая, запретил устраивать оргии распутному родственнику даже на территории специального насыпного острова в акватории эмирата, выделенного еще их отцом под «грязные» утехы семейки Макдиси, а в Европе после нашумевшего скандала с падением из окна его номера одного из сотрудников персонала, ему были совсем не рады, он предпочитал ездить «справлять нужду» в сумасшедший Ливан. И даже происходящие в последние полгода события здесь его нисколько не останавливали.

—Ливанцы привыкли жить на пороховой бочке,— умничал он всякий раз, когда я тревожно смотрела за информационными сводками, рассказывающими то об очередном теракте в центре Бейрута, то о громком политическом убийстве,— в

этом весь кайф, девочка. Если ты понимаешь, что твой сегодняшний поход в ночной клуб может быть последним, ты будешь гулять так, как в последний раз. Вот где истинное веселье. В Европе и у нас давно так расслабляться не умеют. Когда-то этот вайб был в военной Сирии, но с тех пор, как скучные брюзги-детишки Васеля Увейдата захватили там власть в свои руки, стало скучно и однообразно.

Из потока мыслей меня вырывает резкое торможение автомобиля. Ну, что еще? Недовольно закатываю глаза.

-Какая-то захма (араб.— пробка), мадам. Пять минут- и все рассосется. Наверное, кто-то сломался на дороге...

Нет, как оказалось, никто не сломался. Мы все-таки едем. Медленно, как черепахи, но продвигаемся. Через пару десятков метров я понимаю, почему. Очередной летучий контрольно-пропускной пункт. Молодые бойцы с гламурно подстриженными бородками в обтягивающем камуфляже и автоматами наперевес. Вглядываются подозрительно в лица водителей и пассажиров. Смотрят на тебя, словно бы они хозяева мира. Таких здесь теперь завались. Это в книгах по истории пафосно написано, что Ливан-единственная демократия на Ближнем Востоке. Никакая это не демократия. Это сборище нескольких мафиозных кланов, исторически разделивших контроль над территорией страны. За каждым кланом закреплена своя вотчина, свой район. За исключением, пожалуй, разве только что столицы Бейрута, где всё смеша-

лось... У французов даже поговорка такая есть «бардак, как в Бейруте». Поэтому если где и вспыхивает, то сначала именно там.

Лидеры этих кланов внутри общин- абсолютные деспоты, не терпящие инакомыслия. Власть, естественно, в рамках этих кланов тоже передается от отца к сыну... Неважно, идиот этот самый сын или нет, способен возглавить общину или будет лишь деньги прожигать. Короче, настоящая диктатура, чего уж там...

—У них на руке нашивки в виде крестов,— говорю я вслух, когда наша машина проезжает, наконец, КПП под недобрые взгляды молодчиков. Нас почему-то даже не останавливают, в отличие от других, хоть и провожают подозрительным, недобрым вниманием. Странно. Некоторых даже заставляли выходить из машин и открывать багажники.

—Это муриниты (прим.— по этическим соображениям название реально существующей общины местных христиан-католиков было изменено), мадам. Какая- то из их группировок. Скорее всего, клан Марнжье. Курорты Мзаар как раз относятся к их вотчине...

Мы двигались дальше. Липкое, неприятное предчувствие зрело в моей душе перезревшим фруктом, растекалось по венам приторной брагой. Дождь становился все противнее и мельче. Мои глаза не сразу различили на фоне его мокрого марева эту жуткую, пугающую своим цинизмом и жестокостью часть пейзажа... Вернее, пейзаж был все таким же вос-

хитительным- захватывающие виды первозданной природы- густые изумрудные кроны пихт, нежно обнимающие отлогие склоны гор, уходящий к морю шлейф из зелени, соединяющийся с водной синевато-перламутровой глазурью тонким ожерельем желтого песка берега. Чудовищным здесь было другое-сотворенное человеком... Труп мужчины с искаженным в предсмертных муках лицом. Его руки были прибиты к деревянному столбу, вертикально вытянутые вдоль тела в единую стрелу, ноги безвольно свисали вниз. На лоб гвоздем была приколота похожая теперь на серую кляксу картонка, большая часть текста которой смазалась от дождя. И все, что я видела, это написанное на французском корявым почерком «предатель-собака»...

Машина, как назло, ехала медленно. Неслучайно, потому что каждый, проезжающий перед нами и за нами, тормозил и вглядывался в ужасающую картину. Ни один не посмел выйти из машины, снять труп, разобраться.

— Мерзавцы... — слышала недовольное бурчание моего водителя.

— Исламисты? — спросила я глухим голосом.

В этом был весь Ливан- это даже не пороховая бочка, это русская рулетка... Сегодня ты заряжаешь серебряными пулями с резьбой свой коллекционный револьвер, а завтра этими самыми пулями заряжают твои мозги...

— Нет, мадам... — сказал он тихо, — муриниты совсем потеряли стыд и совесть. Творят что хотят. Плохо, когда в стране

нет закона. Видите, что происходит? Теперь и с дома выйти страшно стало...

— Это муриниты сотворили? Из клана, который был на КПП? — переспросила я обеспокоенно.

— Не могу сказать точно. Здесь что ни деревня, свои порядки. Мы проехали несколько километров. Знаю только, что это муринитские земли, а что за клан... Да какая разница. Все они редкостные мерзавцы. Возомнили себя не просто выше других. Поверили в то, что они избранные. В свою исключительность и превосходство над другими.

— Мишель, а ты ведь тоже христианин, — возразила я, вспомнив о происхождении водителя.

— Я православный, мадам. Из антиохийских (прим. одна из местных православных христианских конфессий). Но вопрос здесь не в вере. Католики тоже бывают хорошими. Как и мусульмане. Здесь, в Ливане, простые люди не разделяют на бытовом уровне, кто есть кто. Все мы бани Адам (араб. — «дети Адама»). Вся ненависть идет от этих нелюдей, кто в верхушке. А их цель одна — власть и деньги. Ничего более. Для этого они готовы молиться кому угодно, даже дьяволу... Вы думаете, от Бога то, что сейчас распространяют эти самые муриниты? Они говорят, что коренные ливанцы — богоизбранный народ... Что они ведут свой род от финикицев — родоначальников человеческой цивилизации. Что Европа должна перед ними преклоняться, так как они принесли миру западную цивилизацию. Что арабы — грязный, нечестивый

народ, который надо как минимум выдворить из страны, а как максимум- зачистить ливанские земли от них...

Я молча кивала, понимая, насколько все-таки здесь все сюрреалистично и запутанно. А главное ведь, Ливан- это чуть большим десять тысяч километров, ее береговая линия всего 210 км... При желании с севера на юг его можно объехать всего за 3-4- часа... Как на этом маленьком клочке земли могут происходить такие дразги... Как здесь уживалось столько повернутых на власти, харизме и величии в собственных глазах мужчин?

Мы шуршали покрывками по влажному серпантину все дальше. К нам неумолимо и стремительно подбирался вечер, делая пейзаж за окном все более драматичным. Я сидела, как на иголках, в тревожном ожидании выезда на главную трассу- автобан, протянувшийся вдоль всей береговой линии, который бы в конечном итоге и вывел нас к аэропорту. Вот только дорога все извивалась и извивалась в причудливом змеином танце, а сердце наполнялось нехорошим предчувствием неизбежного, пугающего, настораживающего, как густой воздух вокруг, пьянящий и трезвящий одновременно.

-Почему машин так мало?-спросила я, озираясь по сторонам.

И действительно, если на спуске из Фарайи мы ехали в плотном потоке автомобилей, то сейчас я едва ловила воло-

окие взгляды фар редко проносившихся мимо в обоих направлениях автомобилей.

—Мы свернули по навигатору, по кратчайшей дороге, чтобы объехать бейрутские пробки,— через деревни выедем почти к аэропорту, так удобнее,— голос водителя, однако, звучал все менее уверенно. Он явно хотел быстрее довести меня, пока стремительный, густой вечер не превратится в темную ночь. Вот только было ли это его желание обречено на успех?

Наверное, чтобы немного успокоить меня, а может для того, чтобы у меня было меньше желания вступать с ним в диалог, он врубил радио. Салон наполнила веселая, ритмичная арабская музыка, которая на фоне густеющего влажно-го мрака за окном казалась неправильной, раздражающей и даже внушающей панику...

«Мусейтара, хамшик мусейтара

Хахлик лав шуфт фи шарии бинт

Табус ла вара

Айя ана мусейтара

Йя хейта суккара

Туль ма анта майя тамши аля хавайя ана мутакаббара»

(араб.-Я доминирую, я буду управлять тобой, как повелительница.

Я заставлю тебя отвернуться, если ты увидишь другую девушку на улице.

Да, я доминирую.

Ты мой кусочек сахара.

Пока ты со мной, ты будешь ходить по моей команде,
Да, я надменная, надменная...) [2]

Весело пела красавица-ливанка со сладким голосом. Я печально усмехнулась про себя. Эта песня была хитом последнего года. Звучала из каждого утюга. Арабские девушки бились в экстазе, подпевая вольным словам старлетки, мужчины снисходительно улыбались, наслаждаясь прытью красоток и совершенно не вслушиваясь в смысл музыкального сопровождения. Хотя нет, некоторые все же вслушивались. Пару недель назад прочитала в одном из пабликов, что в книгу рекордов Гиннеса был занесен один из иракских браков — как самый короткий в мире. Молодожены развелись прямо на собственной свадьбе. Причина в том, что невеста слишком резво и с энтузиазмом подпевала исполнительнице песни. Мужу не понравилась эта ситуация. Видимо, испугался... Свадьба закончилась, толком не начавшись [3]...

Я хотела было сказать Мишелю, чтобы сделал потише, но не успела, потому что наше авто как-то уж чрезмерно сильно дернулось, истерично завизжав тормозами. Моя голова качнулась, как у марионетки. Я подалась всем корпусом вперед, больно ударившись грудью и подбородком о спинку кресла. В панике стала озираться по сторонам и по приближающемуся к машине темному силуэту поняла, что мы, должно быть, на очередном КПП. Сколько же их? Такими темпами мы будем в аэропорту к утру!

—Что случилось?—тихо спросила я Мишеля, который теперь тоже нелепо и опасливо крутил головой по сторонам.

—На дороге была растяжка из шипов, мадам,— сказал он сиплым от страха голосом,— шины спущены...

—Кто... кто это такие?—спрашивала я, инстинктивно вжимаясь в кресло и в то же время подсознательно надеясь, что он оставит мой вопрос без ответа, словно бы от его отсутствия можно было изменить настоящее и не видеть приближающегося к нам силуэта...

Нелепая веселая музыка продолжала играть в машине, когда к водителю приблизился мужчина в камуфляжной форме, придав человеческое обличие тени. Только было ли оно человеческим?

Когда раздался громкий хлопок и стекло лопнуло, я взвизгнула и сильно зажмурилась. Не знаю, может быть мои глаза не были столь плотно закрыты или я все же открыла их на толику секунды, но я успела увидеть, как после желто-ослепляющей вспышки голова Мишеля резко качнулась и он всем корпусом безвольно упал на руль. Мое лицо было мокрым— что это, кровь водителя? Испарина, проступившая от страха? Слезы?

Послышался второй выстрел. Я замерла и перестала дышать. Это в меня? Я умерла, наверное... Подсознание заставило инстинктивно накрыть рукой сердце и словно бы проверить— оно все еще бьется или нет. И только спустя пару мгновений я поняла, что второй выстрел пришелся на маг-

нитолу- радио, наконец, заткнулось. В ушах звенело, но я отчетливо слышала её- пугающую тишину, стоящую надо мной в компании с костлявой и ухмыляющейся смертью...

Я открыла глаза, пытаюсь понять, что делать... Что будет со мной... Какую участь уготовил экзекутор мне...

В это самое мгновение мои глаза пересеклись с его взглядом. Если бы я когда-либо представляла, как смотрит смерть, я, наверное, представила бы именно этот взгляд. Серые, пустые глаза. Гипнотизирующие. Травящие парализующим ядом. Лишающие воли, радости и надежды. Тотальная пустота. Обреченность. Неизбежность. Так смотрит приговор. Смертельный приговор.

Его губы расплылись в презрительно-хищной усмешке, Он одним выверенным ударом по моему стеклу вышиб его, от чего мелкие осколки впились в мою кожу на руках, шее и лице. А потом я почувствовала, как голову пронзает острая тупая боль. Дальше была пустота.

[1] Один из выдающихся российских писателей XX века.

[2] Если есть желание послушать песню, вот ссылка на нее: [مسيطرة_همشيك مسطرة Mesaytara لامي_كان \(official music video\) Lamis_kan – YouTube](#)

[3] Удивительно и абсурдно, но эта история взята из реальности и произошла совсем недавно...

Глава 3

Глава 3

–Мамочка, тебе нравится моя новая корона?–сказала я, игриво крутясь перед зеркалом,– из бисера сделала, сама, на уроке труда.

Мама глубоко вздохнула, печально улыбнувшись.

–Зачем, дочь? Чтоб в шкафу лежала? Вон, Юлька, Светкина дочка, какие фенечки плетет, видела? Мне ее мать хвасталась, что даже продает среди одноклассниц и по воскресеньям у бабы Любы на развале на рынке, а ты что? Тоже могла бы фенечки... И продавать...

–Оставь дочь в покое,– появился в дверях папа. Посмотрел на меня с нежной улыбкой, подошел, поцеловал в затылок,– пусть плетёт то, что хочет. Очень красиво, доча! Настоящая принцесса...

Сказал и пошел в зал, как всегда читать газету. Папа интересовался политикой, всегда старался быть в курсе последних событий. Даром, что был простой шахтер, угробивший свои легкие вредной рудой, как любила причитать мать.

Сейчас, как только папа скрылся за скрипучей дверью с облупившейся краской, она тоже причитала, бубня себе под нос.

–Настоящая принцесса... Тоже мне... Все они, бедные, сначала настоящие принцессы. А потом детство заканчива-

ется- и выясняется, что принцев не бывает. Только в сказках для глупых девочек...

—Еще как бывают!-кричу я маме, крепко сжимая кулаки и сглатывая через силу подступивший ком к горлу,— бывают! Вот увидишь, будут у меня принцы, еще какие!

Она лишь пренебрежительно машет рукой и продолжает с выражением обреченной усталости на лице штопать мои колготки на носке, снова порвавшиеся от того, что прошлогодние туфли поджимали, а на новые денег не было- отцу опять не платили, уже третий месяц. Снова какие-то перестановки в руководящем составе шахты, как объясняли в бухгалтерии. Слышала, как мама это говорила тете Свете.

Спустя много лет принцы у меня, правда, были. Настоящие принцы. Действительно, еще какие... Вот только сказки я действительно не увидела... Как ты права была, мама... И почему я не плела фенечки, как Юлька, Светкина дочка...

Дочка... дочка... дочка...— слышу я вот тьме... Это голос моей мамы... Она зовет меня, зовет наружу, выбраться из пустоты и боли, которой так много вокруг меня. Боль. Тупая, зудящая, растекающаяся переливами агонии по голове, пронзающая острыми иглками затекшие связанные конечности. Я понимаю, что они связаны, потому что отчаянно хочу вдруг почесать нос, а не могу. Этот зуд сводит меня с ума- и я теперь понимаю, почему арабов в американском Гуантанамо[1] пытаются именно такими способами, изощрен-

ными способами- скованность движений, зуд, нескончаемые монотонные звуки, внезапно громко включающаяся посреди ночи рок-музыка. Самая жестокая пытка- не прямое нанесение острой боли, а вот такая, извращенная форма подавления. Тебе не дают права на героизм и подключение гормонов стресса, впрыскивающих в кровь естественный анальгетик и антидепрессант. Тебя просто превращают в немощную тварь, насекомое. Мои кисти в какой-то замысловатой петле. Подо мной за спиной, и я на них лежу. Это нестерпимо больно- плечам, пояснице, позвоночнику, лопаткам, вдавливающимся в холодный влажный бетонный пол.

Дочка...до...ччч,— я разлепляю через силу глаза и понимаю, что это не мамин голос меня звал все это время. Это капающая вода... Вокруг темно, холодно и сыро. Подвал? Гараж? Склад? Ад?

Я пытаюсь встать, но тщетно- ноги и руки безнадежно завязаны в тугие узлы. Голова болит и кружится. От того, что я пытаюсь хоть немного ослабить путы, бьюсь об пол, как седка. Все бессмысленно. Только силы уходят и появляются новые ссадины. Очередное неправильное движение- и вот из глаз опять искры от прострела в плечевых суставах. Я могу так вырвать себе руку. Тем более, что у меня связки слабые. Как-то пришлось усиленно, за неделю, осваивать большой теннис для продвинутых. Мой спутник серьезно им увлекался- не хотела ударить в грязь лицом. Тогда мои усилия окупились- по прошествии двух недель наших отношений он по-

дарил мне ключи от новенького Мерседеса. А сейчас смысл моих усилий? Глупо, Алёна, глупо. Успокаивайся давай. Но что наступит после успокоения? Отчаяние моего одиночества? Страх? Липкий, удушающий... Я снова брыкаюсь, теперь от злости на всю эту ситцацию. Почему я так попала? Зачем вообще я поперлась в этот чертов Ливан с Али? Снова затылком о бетон... Что ж, раз мне больно, значит я по крайней мере еще жива. А это уже полдела. За эту мысль я и уцепилась. Выжить... Любой ценой выжить. Выжить, вырваться отсюда всеми правдами-неправдами, а потом, на безопасном расстоянии снять штаны, нагнуться и показать всему их жестокому, то и дело утопающему в собственной крови региону свою натренированную задницу. Я скопила достаточно, чтобы «уйти не пенсию». Начну жить обеспеченной, спокойной жизнью подальше от всех этих арабов... Забуду о них, как о страшном сне... Только бы выжить... Выжить...

— Не верь. Не бойся. Не проси... — повторяю про себя, вспоминая первый завет Людмилы, — «и помни. Даже если ты стоишь по уши в дерьме и грязи в выкопанной под тебя могиле, а дуло его пистолета со взведенным крючком направлено тебе в голову, это далеко не конец. У тебя есть только один шанс умереть и миллионы шансов спастись. Всегда есть выход. Но нужно помнить- полагайся только на себя... У тебя больше нет союзников», — повторяю себе под нос, как мантру...

Время идет. Мне кажется, что темное пространство во-

круг сужается. Воздуха становится все меньше и меньше. Рук и ног уже не чувствую. Может это смерть, а я лежу в земле? Откуда мне знать, как оно на самом деле- оказаться на том свете? Куда я попала? Уж точно не в рай... Это чистилище? Ад? Мой персональный ад- одиночества, тьмы и беспомощности?

Силы и решительность бороться меня покидают с каждой новой минутой, проведенной в этом нестерпимом вакууме. Я уже не личность, а просто пыль... Склизкая жижа, стекающая по полу обреченностью и пустотой. Мой мочевого пузырь переполнен и болит, и я каким-то чудом сохраняю последние остатки чувства собственного достоинства, чтобы не обделаться под себя и окончательно не превратиться в животное.

Потом я пойму, что все неслучайно. Меня ломали. Ломали с самого начала, чтобы сразу кинуть ломанной в жернова своей жестокой игры... Я пойму это несколькими часами позже- уничтоженная, почти сломленная, все-таки обмочившаяся под себя. Пойму по приближающемуся ко мне свисту. Шуточному, заигрывающему, задорному. Ритмичное отстукивание шагов по каменной лестнице- и мелодия мужским голосом себе под нос- когда я вслушаюсь в нее, мое сердце похолодеет.

Это та самая «мусейтара», которая играла в автомобиле за секунду до того, как Мишель получил в голову пулю, а я

– прикладом по затылку. Он преднамеренно пел именно эту песню- посылая мне очевидный и недвусмысленный сигнал- ты ничто... ты не решаешь теперь ничего.

Дверь моей пещеры лязгнула, закрипела и отворилась. Все, что я могла, повернуть голову вбок- и увидеть перед собой шикарную начищенную обувь. Остальное попросту было вне поля моего зрения. Микропомещение с неприятным спертым воздухом наполнил запах шикарного парфюма- аромат роскоши и жестокости. Не знаю, мне почему-то в тот момент показалось, что жестокость пахнет именно так.

–Бонсуар, шакраа (араб-франц.-привет, блондинка),– сказал он глубоким, слегка хрипловатым голосом на смеси французского и арабского. Ливанская манера. Таковую не перепутаешь ни с какой другой в арабском мире. Только они так мелодично тянут «а» в сторону «э» во всех словах.

Я молчала, понимая, что моего ответа никто не ждет.

–Сейчас тебя развяжут и помогут. И ты будешь послушной. Или эта камера станет для тебя мавзолеем,– усмехнулся себе под нос,– вы в России любите мавзолеи, не правда ли? Ленин до сих пор лежит на Красной площади?

Последние слова, по его мнению, очень смешные, он сказал с имитацией славянского акцента. Была бы я поглупее, постаралась бы, как-нибудь исхищрилась и вывернулась, чтобы на него посмотреть, бросила бы презрительный взгляд. Самонадеянный урод. Такие всегда глупо шутят и сами же смеются над своими несмешными шутками. Впрочем,

я была не глупой, а умной. Поэтому просто молчала и слушала, пытаясь предугадать, что меня ждет...

Он ушел, а я выдохнула с облегчением, что не пришлось снова смотреть в его пустые глаза.

Не прошло и минуты, как в помещение снова вошли. На этот раз их было двое. Они развязали мне узлы на ногах и подзатыльниками заставили встать. Сделать это с первого раза не получилось- ноги были затекшими и ватными. Я их не чувствовала. Когда кровь немножко разгулялась по онемевшему телу, с третьей попытки мне все же удалось удержаться в вертикальном положении. Ужаснее всего было то, что во время всех моих попыток ни один, ни второй даже не подумали мне помочь устоять. Я была похожа на матрешку-неваляшку...

Пинком в спину меня потащили на выход. Голова все еще болела и кружилась, во рту был едкий металлический привкус, а перед глазами- плывущая пелена. На влажной лестнице я пару раз чуть поскользнулась и почти упала, но грубые тыканья в спину заставляли меня каким-то чудом удерживаться и двигаться вперед.

Мы поднялись наверх- и холодная, неоновая яркость светодиодных ламп ударила болезненной резкостью по глазам. Только проморгавшись, я поняла, что оказалась в огромной ванной, покрытой плиткой, скорее напоминающей помещение на скотобойне, чем место для человека.

—Снимай штаны!-на ломанном английском сказал один из

эксекutorsов.

Я мысленно надеялась, что больше ничего снимать не придется, но даже факт того, что я осталась перед ними в трусах и едва прикрывающей бедра белой рубашке, уже дезориентировал и унижал. А мне казалось, меня мало уже что может заставить испытывать эти чувства... Вот так всегда с нами. Мы самонадеянно убеждены, что пуганые. Глупцы.

Не церемонясь, меня прямо в оставшейся одежде поставили к стенке, как под расстрел, и тут же начали со всей дури обливать мощной струей холодной воды из шланга. Вода лилась грубым потоком мне на лицо, грудь, ноги. Рубашка прилипла к телу и видимо, уже ничего не скрывала. Я понимала, что со стороны наверняка выгляжу как общипанная курица. В голове пробежала мысль про утреннюю укладку. Даже усмехнулась себе под нос, но тут же закашлялась, потому что очередная ледяная струя ударила мне прямо по лицу.

Зачем такое издевательство? Если я была товаром, то могли бы дать возможность принять нормальный душ...

Вода все била и била по телу, оставляя после себя болезненные ощущения. Я не выдержала. Слезы непроизвольно начали капать из глаз. Но я радовалась хотя бы тому, что была мокрой с ног до головы- и их, должно быть, не видно... Не хотела, чтобы эти укурки поняли, что я плачу.

–Бикьяффи (араб.-достаточно),– раздалась в помещении жесткая команда.

Струи затихли. Я стояла, опираясь о стену, вся скукожен-

ная, полусогнувшаяся. Не в силах поднять голову на вошедшего. По шагам, отбивающим эхом по фаянсовой поверхности «скотобойни», было понятно, это тот самый, кто приходил за мной в подвал.

Я все не решалась поднять голову. Еще одно правило от Людмилы. «Если рядом с тобой неадекватные мужчины, лучше не провоцировать... Самая большая провокация — смотреть им в глаза. Не смотрите им в глаза. Вы можете увидеть там собственную смерть...»

— Сейчас ты подойдешь ближе и встанешь на колени, — отчеканил на смеси английского с французским.

Я молча выполнила приказ, так и не осмеливаясь поднять голову. Время шло, вытягивая из нутра струны напряжения. Ничего не происходило.

Все, что я видела перед собой — ноги, облаченные в шикарные кожаные ботинки.

Мой подбородок обожгла мужская горячая рука, которая заставила поднять голову. Горячей, наверное, мне сейчас показалась бы даже ледышка. Сказать, что мне было холодно, не сказать ничего...

Наши взгляды пересеклись. Это тот самый, кто убил Мишеля. Человек с пустыми глазами.

— Птичка плачет, — сказал наигранно сочувственно, провел пальцем у меня под глазом и показал остатки туши на подушечке.

Я инстинктивно подобралась и вытерла тыльной стороной руки под глазами.

—Тушь потекла от воды. Жаль, надо было брать водостойкую,— ответила на хорошем французском. Нет, мукак, я не дам тебе поверить в то, что ты добился моих слез, сломал, испугал. Черта с два...

В его пустых зрачках на секунду отразился огонек интереса и какого-то пугающего азарта. Того самого, который граничит с безбашенностью. Того, из-за которого на кон могут поставить что угодно. Этот человек явно был отмороженным. Наверное, будь иначе, его бы сейчас тут не было.

Он вытащил из кармана белый, идеально отглаженный платок и кинул передо мной, намекая, что я должна привести в порядок потекшее лицо.

—Ты не девочка. Сразу видно, что опытная... Много стояла на коленях, значит. Наверное, стоило бы тебя пустить в расход парням, но... Что-то в тебе есть... -провел по лицу так, словно бы это были не его пальцы, а лезвие ножа,-Поставлю тебя на торги в четверг, но перед этим... Открой свой рот, шармута (араб.-шлюха)...-сказал на французском, теперь не парясь миксовать его с английским для моего пущего понимания. Расстегнул штаны.

По телу пробежала нервная дрожь вперемешку с тошнотой. Значит, мои догадки подтвердились... Живой товар. Они занимались торговлей людьми...

В этот самый момент дверь с шумом распахнулась. Я

невольно дернулась и посмотрела на вход с призрачной надеждой.

На пороге появился высокий статный мужчина, с головы до ног одетый в черную военную форму и высокие армейские сапоги. На его плече висел автомат. И я даже грешным делом на малейшую толику секунды подумала, что это мой спаситель, сошедший со страниц сказок, в которые я давным-давно перестала верить...

—Что такое, Дани?—едва скрывая раздражение, обратился к вошедшему мой экзекутор,— я развлекаюсь с новой игрушкой...

Он вроде бы и высказал недовольство, но при этом быстро застегнул ширинку и отшатнулся от меня. Осознание молнией ударило по сознанию. Пустоглазый боялся этого мужчину. Боялся и ненавидел.

Я смотрела исподлобья на вошедшего с примесью удивления и страха. Не потому, что не боялась его. Наоборот, от его появления стало еще страшнее. Меня попросту парализовало от его вида. Он был сплошным сгустком темной материи. Злой гений из «Лебединого озера». Всадник Апокалипсиса... Наши глаза пересеклись— и в тот момент я поняла, что лучше бы опять потупила глаза в пол. Теперь было понятно, почему пустоглазый поджал хвост, стоило этому мужчине появиться на пороге. Если я думала, что видела тьму во взгляде экзекутора в дорогих ботинках, то горько ошибалась. Да, там была пустота. В глазах высокого широкоплече-

го мужчины напротив, словно бы сейчас заполнившего собой все пространство этого помещения из чистилища, была она самая- преисподняя... Абсолютная тьма. Безнадежная. Непроглядная.

Я поежилась, когда почувствовала, как этот самый взгляд холодной черной ртути стекает с моего лица на торчащие от соприкосновения с ледяной водой, проглядывающие через белую ткань рубашки соски и на стыдливо сложенные в коленках ноги.

– Мои люди проверили ее телефон. Не спеши с развлечениями, Эли. Эта игрушка принадлежит Али Ибн Шерифу Макдиси, родному брату правителя Дубая... Думаю, ты можешь получить за нее несколько больше, чем просто за немолодую шалаву на торгах...

[1] Тюрьма в Гуантанамо- лагерь для лиц, обвиняемых властями США в различных преступлениях, в частности, терроризме.

Глава 4

Глава 4

Сцена с холодным душем в той скотобойне была очередным актом моего подчинения. Потому что как только оба эти самца покинули помещение, мне все-таки принесли полотенце и новую одежду-бесформенные джинсы больше на несколько размеров и плотный свитер, который, как раз, обтягивал плотнее, чем хотелось бы. Мне указали на обычный душ, оказывается, прятавшийся на самом видном месте у стены. Я приготовилась было к очередной шоковой встрече с ледяной водой, дрожа от холода уже так, что внутренности сжимались. К моему несказанному удовольствию вода оказалась теплой, даже горячей. А еще там был гель для душа с каким-то чрезмерно приторным, отдающим дешевизной тропическим ароматом. Плевать, не до роскоши «Сант Барс» сейчас. Главное, что я смываю с себя вонь от пребывания в той могиле, смываю свой страх и отчаяние... Теплая вода-божественный эликсир. Пять минут под горячими струями способны творить чудеса похлеще самых изощренных косметологических процедур. Душ очищал не только твоё тело. Он обнулял твои мысли, смывал эмоции- и хорошие и плохие. После душа голова была трезвее.

Через какое-то время за мной снова приходят и на этот раз ведут вдоль по коридору, не обратно в подвал, а в ка-

кую-то из комнат этого похожего на учреждение помещение. Сейчас оно заброшено, но когда-то здесь была жизнь- на окнах пожухшие цветы в горшках, на полу- выцветшие пегие дорожки. Белая дверь открывается – и я оказываюсь внутри просторной комнаты, скорее напоминающей что-то наподобие небольшого актового зала. Там еще человек двадцать девушек. Они очень разные, сидят по углам тремя отдельными группками. На меня, когда я оказываюсь внутри, как кажется, даже не смотрят. Посередине – девушки в хиджабах. Их больше всего и они кучкуются максимально близко друг к другу. Слева- светловолосые. Их немного, максимум трое, как улавливает проскользнувший взгляд. Наверное, славянки. В дальнем правом углу непонятные на вид- вроде бы брюнетки и шатенки, но и не местные, а может быть продвинутые ливанки- они выглядят по-европейски. Эта группа самая разобщенная. Каждая из девушек сама по себе. Кто-то сидит на полу, смотря в пол, кто-то спит, отвернувшись к стене. Одна что-то читает...

Дверь за мной страдальчески скрипит, слышу звук ключа в замке. Мы снова заперты. Я нерешительно переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь понять, куда деваться- примыкать ли к какой-то из компаний, начинать ли разговор...

Глаза снова осматривают помещение. Эта привычка у меня уже профессиональная. «Как у спецарента или шпиона»– шутила Людмила, а когда мы скептически улыбались в ответ, словно бы уверяла то ли нас, то ли себя.– а что вы дума-

ете, девицы... Вы хоть понимаете, какой у вас доступ к телу? Вы хоть знаете, сколько вот таких девушек, как вы, работали на разведки своих государств, принося им пользы явно побольше, чем бесполезные мужички в засаленных костюмах, просиживающие жопочасы в кабинетах... Одна Мата Хари чего стоит.

Я слышала эти доводы от нее раз десять. Наверное, это была одна из заготовленных ею пропагандистски-вербовочных речей, для тех лакомых девочек, кто все еще сомневался и думал, что эта работа явно не для них. Эта работа и правда не для всех. Слабачки и дуры всегда кончают либо с пустым карманом, либо перерезанным горлом. Я вот была сильной и умной. Поэтому всякий раз, когда Людмила заводила свою шарманку, хотела возразить, что даже если одна из нас грешным делом и решит поиграть в девушку Бонда, едва ли кто-то захочет кончить так, как Мата Хари-разоренной, покинутой тёткой средних лет с инвалидом-возлюбленным, на расвете в сыром дворе плаца тюрьмы, расстрелянная у стенки группой солдат и предварительно ими же изнасилованная... Почему-то разведки, на которые она работала, ей не помогли... Возвращаемся к первому правилу-не верь, не бойся, не проси. Ты у себя одна. Больше никого у тебя нет.

Впрочем, история всегда умалчивает неприглядную правду. Иначе бы человек струсил и обмельчал, никогда более не решаясь начинать ни войн, ни переворотов, ни заговоров... Ливанцы, наверное, очень хорошо уяснили эту истину

за свою многотысячелетнюю историю.

Когда ты живешь на Ближнем Востоке или, как в моем случае, проводишь много времени в этих краях, тем более, проводишь их в компании сильнейших и богатейших мужчин этого региона, нужно хотя бы немного разбираться в политике. Здесь понимать хитросплетения ближневосточного политического расклада- такое же правило хорошего тона, как в Англии в пять часов пить чай, а во Франции покупать на завтрак свежееиспеченный багет. Ливан в этих раскладах, как никак, был центральной страной. Эдакий «Лас-Вегас» арабского мира, остров свободы, вседозволенности и сумасшествия. Али любил эти края- и много времени проводил в Ливане, особенно до того, как вконец испортились его отношения с кланом Увейдатов, правителями соседней Сирии, оказывающей очень сильное влияние на политическую жизнь Ливана. В последний год политический туризм в эти края сошел на нет. Ситуация была крайне напряженной. Конечно, был бы Али нормальным человеком, а не зависимым от гулянок торчком, мы бы сюда не поехали. Чертов Али. Опять вспомнила про него и стало еще более гадко на душе. Ситуация с тем, что мои похитители были в курсе, что мы с ним связаны, пока сильно настораживала. Хорошо это или плохо? Даст ли мне это иллюзорную неприкосновенность или же, напротив, еще больше усугубит мое положение... Оставалось только догадываться.

Здесь расклад событий было совершенно невозможно

предугадать. Ливан, небольшая страна по своим размерам, была в буквальном смысле напичкана представителями всевозможных конфессий и национальностей. Испокон веков здесь каким-то странным образом уживались не только мусульмане с христианами, но и малочисленные, малознакомые религиозные течения и секты, о существовании которых в мире даже не слышали. Разумеется, многотысячелетняя история сосуществования этих народов далеко не всегда была мирной. Вернее, даже наоборот. Редко когда она была мирной... Единственный способ поддерживать хоть какие-то фантомы стабильности – создавать государства в государстве, военизированные кланы со своими капиталами, историческими вотчинами, собственной мини-армией, состоявшей из соратников-земляков и единоверцев. Лояльность здесь определялась исключительно происхождением и вероисповеданием. Ситуация здесь во многом напоминала времена междоусобных войн в Европе или на Руси в Средние Века, по крайней мере, в таком виде, в котором мы об этом читали в учебниках истории. Один клан владел одним земельным наделом- как правило, это несколько десятков километров, пару-тройку деревень или городков, большой замок-вилла исторического лидера клана, вокруг которого и концентрировалась сила- финансовая и людская. Эти лидеры напоминали князьков, раздираемых собственными амбициями и притязаниями, помешанных на своем аристократичном происхождении. Объединяло их неизмен-

но одно- жажда роскоши, красивой жизни и власти... В этих трех стезях ливанцам не было равных. Даже богатые нефтянники-шейхи с Арабского залива уступали им по расточительству и способностям разбрасывать вокруг себя «золотую пыль». Жаль было только, что мужчины здесь играли в свои игры взрослых мальчиков, а страдал простой народ.

Неизменным атрибутом власти и влияния каждого из таких князьков помимо громкого семейного имени, миниармии, всегда безукоризненного прикида и десятка красивых женщин в постели был собственный банк. Вот это и казалось самым сюрреалистичным в государственной организации Ливана. Вопреки совершенной анархии властных институтов, полному отсутствию безопасности в традиционном понимании этого слова, эта страна оставалась одной из самых стабильных для приложения капиталов, региональным офшором, где стремились хранить свои активы все богачи региона. Это и позволяло ему финансово держаться на плаву вне зависимости от того, переживал ли он относительно спокойный, очевидно, временный этап затишья в своей истории- или же, наоборот, подобно Средиземному морю в ненастный январский день, бушевал искрами молний, терзая извилистый берег бешеными волнами[1]...

Здесь и сейчас, в этом упоительном воздухе январского Ливана, влажном от дождя и морской прохлады, витало неумолимое и неотвратимое предчувствие бури... Но я даже

тогда не догадывалась, что эта буря не просто приближалась. Мы уже были в ее эпицентре, закрученные в ее воронку, захваченные ее потоками...

Из мрачных философских мыслей меня вырвало обращение ко мне от группы девушек слева на русском.

–Тебя как зовут? Русская?

Подошла к ним- славянской наружности, стоят у стены справа.

–Украинка...– тихо ответила я,– Алёна.

Мне кивнули в ответ.

– Своя, значит. Я вот из Запорожья, девчонки с Урала и Сибири. Не делим. Нужно держаться вместе. Я Светка, а это Ира и Катя. Ты с Мальмилтена? Из артисток?– продолжила разговор высокая шатенка со светлыми глазами.

«Артистками» друг друга здесь называли работницы кабаре, эшелонами прибывающие в Ливан для работы на знаменитой улице в Каслике «Мальмилтен»[2]– протяженной вдоль береговой линии череде так называемых «найтклабов», где собирались девушки из стран СНГ, преимущественно русские и украинки, развлекать местных «кастиков», то есть «кастомеров» (прим. от англ. customer), клиентов. Нет, это не была проституция в традиционном понимании этого слова. Скорее весь этот бизнес напоминал матрешку. Самая верхняя- внешний фасад- «шоу», кабаре, Мулен-руж с танцами и перьями- ведь наши славянские девочки любят и могут танцевать. У нас у всех если не балет, так гимнастика,

у каждой с раннего детства... Кого из нас мама ни таскала на кружки, чтобы «вылепить» очередную Пл*сецкую или Вол*чкову в годы ее адекватности... Вот только внутри этой пухлой глянцевої матрешки были и другие, поменьше, за-
прятанные от взгляда стороннего наблюдателя- так называемая «консумация»— когда красивая девочка садилась за столик выбравшего ее «кастика» и развлекала разговорами и флиртом, а он платил за это времяпровождение. «Секс за деньги»— не то, чтобы насильно... Насильно бывало только в самых поганных гадюшниках из «найтклабов», куда ехали либо дуры, либо отмороженные на всю голову. Потому что в большей или меньшей степени информация об этих самых «найтклабах» была на особых платформах- специальных группах в соцсетях, где выезжающие девчонки общались между собой. Была и еще одна матрешка... Очень маленькая- и редко являющая миру свой лик, доходили до нее редко. Я называла её «пресловутый хэппи энд» с искренней любовью и «долго и счастливо». Здесь можно было собрать истории в стиле «Золушки», когда прекрасный принц вытягивал полюбившуюся красавицу из лап зла и забирал в жены в свой красивый замок. Впрочем, как и в случае с бес-
славным концом Маты Хари, история замалчивала о том, что «долго и счастливо» чаще всего заканчивалось скорым раз-
водом и длящимися годами разборками за ребенка, по умол-
чанию считающимся гражданином Ливана.

Конечно, такие, как я, смотрели на таких, как Светка и ее

товарки, с изрядной долей пренебрежения, но сейчас я засунула свое пренебрежение далеко и глубоко. Натянула на лицо самую искреннюю из своих фальшивых улыбок и влилась в разговор.

—Я туристка... Ехала с горнолыжного курорта. Таксиста убили, меня ударили прикладом по голове и сюда... Что это за место? Где мы и кто они такие, наши пленители?

[1] Описание положения дел в Ливане во многом не является вымыслом. Это реальная картина, существовавшая в стране в период с 1975-1990 гг. В книге описана альтернативная история, взят другой временной интервал, но для общей канвы повествования мне как автору захотелось отразить именно этот дух, послуживший для меня источником вдохновения.

[2] Здесь и далее содержится реальная информация об организации этой стороны жизни в стране. Информация получена от реально работающих в этой сфере девушек.

Глава 5

Девочки тут же глянули на меня опасливо и разом цыкнули, намекая то ли на то, чтобы я говорила тише, то ли и вовсе заткнулась.

– Мда, отчаянная. Кто же сейчас суется в горы! Там давно уже полнейший беспредел! Все поделено между кланами, переступи метр не в том месте- и пуля в лоб.

–И давно это продолжается? Я приехала три дня назад- все было относительно мирно...

–Ха, да здесь как угадаешь. С утра у них тишь да гладь, к вечеру начинают перестрелку. Это же Ливан, детка...

Я опять чертыхнулась про себя. Болван Али, помешанный на наркоте и азарте дурак, решивший рисковать нашими жизнями в угоду своей испорченности. Он же прекрасно понимал, какая ужасная ситуация в стране, но все равно приперся сюда, потому что к рулетке, как и к кокосу, путь в других странах ему был закрыт. Обиднее всего было то, что он-то, наверняка, как это всегда бывает, преспокойненько доберется до аэропорта и свалит отсюда. Идиотов пули не берут...

–Ты тут поосторожнее с вопросами, Алёна,– зашептала вторая, которая Катя,– меньше знаешь, дольше проживешь. А другой задачи у нас сейчас нет...

–Ну как же... Еще и *удаков этих ублажать, -вмешалась,

наконец, третья, Ира. Самая неразговорчивая и высокая. Ее лицо было потрепанным и уставшим. Почти серым по цвету.

—Они заставляют девушек заниматься проституцией?—спросила я, чтобы хоть что-то понять, что же здесь происходит. Зачем им все эти девушки, собранные в этом месте, которое я теперь безошибочно определила как школу, потому что на стенах еще весели выцветшие плакаты с учениками, а в углу стояла брошенной выкрашенная в зеленую краску деревянная меловая доска.

—Всё сложнее... Тот, который с серыми глазами, как у удава, это Эли Лорейка, он торгует людьми. Для разных целей. Не смотри Удаву в глаза никогда- говорят, даже враги боятся смотреть...

Так вот кто это было. Тот, кто в дорогих ботинках, тот, кто хотел поймать меня на полу, с ног до головы облитую ледяной водой. И действительно, Удав. Как верно подмечено. Его взгляд был именно таким- змеиным, токсичным, парализующим...

—Для разных целей?—сказала я хрипло,— то есть?

—То и есть...— еще больше понизила голос Ирка,— человеческий рынок. Говорят, один из самых популярных сейчас на Ближнем Востоке после того, как в Сирии закончилась война и теперь там все спокойно и под контролем. Торгуют девушками. Самые дорогие- красивые и неиспорченные- из числа похищенных. Еще шлюхами торгуют- это если не повезло оказаться девственницей. Это же Восток, как ни кру-

ти, здесь признается лишь потребление. Если ты использованная, как они говорят, «дырявая», никто нянчиться с тобой не будет... Так что всех, кто не девочка, они чешут под одну гребенку, и продают по другому тарифу. Здесь как повезет. Можешь попасть в бордель, можешь к какому-нибудь извращенцу из Залива (прим.— речь о жителях стран богатого Аравийского полуострова). Еще детьми торгуют. Лучше не думать, зачем. Кто-то, конечно, покупает, потому что своих иметь не может, а кто-то...-Ира вздохнула и резко отвела глаза, пряча в них грозящие брызнуть слезы.

—У нее сынишка пяти лет в Перми остался,— тихо пояснила Светка,— о нем все время думает...

—Есть еще просто заложники. Из числа заезжих туристов, вроде тебя. За них могут попросить выкуп. Такие как раз там, у правой стены. Девушки из Европы, туристки- паломницы. Их автобус захватили десять дней назад. Тогда еще все было относительно спокойно, не так, как сейчас. Вот так и приезжай на Землю обетованную Богу молиться,— усмехается печально про себя,— Чаще всего эти уроды заламывают какие-то баснословные цены за пленников и выдвигают нереальные требования к государству-родине. Их, естественно, никто не выполняет- и ты так или иначе заканчиваешь в одном из вышеназванных групп. Либо вообще с пулей в голове. На камеру. В назидание политикам и международному сообществу. Главное, самое главное, Алёна, не попасть в отдельную, особую, группу- вот это уж точно конец...

–И... что за группа?

–Донорство... Они это называют так, суки. Торговля органами. Ты- живой контейнер для какого-нибудь богатого урода в Европе или Америке, кто покупает не тебя, а то, что у тебя внутри. Вот что самое страшное. Им платят за это больше всего. Больше, чем за живых. Поэтому нужно молиться, чтобы пока ты здесь находишься, не поступил заказ, которому ты можешь удовлетворить. Они тебя уже водили- проверять группу крови, анализы сдавать, УЗИ делать? Они базу на всех нас ведут. Чтобы если будет запрос, оперативно отработать...

–Нет...-глухо отзываюсь я, теперь понимая, что, исходя из градации, скорее всего сейчас отношусь к категории «заложников». Вот только... Стараюсь не думать о своих нехороших мыслях... А второй?– Спрашиваю, вспоминая мужчину, зашедшего на «скотобойню» с изобличающими меня данными.

–Второй? Ты о ком?

–Высокий такой, в черном с головы до ног. Небольшая борода и глаза темные-темные, как уголь. С холодным, ртутным отливом,– описала я мужчину, -Дани кажется... Так его назвал этот, который Удав.

–А, это, наверное, Даниэль Ламун. Как ты его описала поэтично, у тебя прям дар...– усмехнулась печально,– Страшный человек, Алёна. Ты лучше поменьше спрашивай и интересуйся. Если Удав демон, то этот- сам Сатана. Он торговлей

не занимается. Они между собой говорят, что у них закон джунглей... Если Эли- шакал, то Даниэль- Шерхан. Тигр. Его так и кличут, его и подотчетных ему людей. Он стоит во главе Тигров. Это одна из вооруженных группировок мури- нитов. Он из аристократов, лидеров общины. Его отец рулит политическими вопросами, входит в совет сил Креста, кото- рые фактически взяли контроль над страной. А он- отвечает за военизированное крыло. У них так у всех. Отцы в доро- гих костюмах восседают за дубовыми столами и решают по- литические вопросы. Сыновья резвятся в поле, отрываются на простом народе, потому что все эти их игры в граждан- ский конфликт- это...

-Ирка, замочли...— шипит Света.

-Они все равно ничего не понимают на русском.

-Молчи, говорю. Короче, этот Дан крышует Эли. Тот не из их клана, да и вообще, из простых, плебей, поэтому ему делают одолжение, что держат под патронажем. Но ты ж по- нимаешь, все не бескорыстно. Представь, сколько он денег торговлей людьми приносит этим мерзавцам. А потом на них их сучки-бабы покупают себе Шанели и бриллианты по де- сять каратов...

В словах Светки проскочила очевидная зависть. Я поче- му-то не сомневалась, что если бы каким-то чудом она смог- ла оказаться по ту сторону- в роли тех самых «их сучек», со- весть бы ее по поводу источника заработков не мучила...

В этот момент дверь снова скрипнула. На пороге показались двое мужиков, тех самых, что «купали» меня сегодня. Они швырнули какой-то целлофановый пакет в столпившихся по центру девушек к в хиджабах, все это время опасно прижимавшихся друг к другу и по большей части молчавших или тихо плакавших. Что-то быстро проговорили им на арабском. Я понимала язык, но их слова не разобрала- и диалект был другим, и выговор.

Те жалобно застонали и запричитали в типичной арабской манере, но подхватили пакет и стали вытаскивать оттуда отвратительные, вульгарнейшего вида, из блестящих тканей миниплатья.

Кто-то молча и обреченно стаскивал с себя одежду- платки, бесформенные свитера, плотные джинсы- и облачался в уродливую пошлятину.

—Это палестинские беженки. Позавчера захватили их деревню. Мужчин поубивали, их самих забрали в плен. Расхожая ситуация. Теперь, видимо, выведут на торги...

Между тем, шоу с переодеванием продолжалось. Кто-то уже успел переоблачиться и теперь, нелепо понутив голову, стоял в новом фривольном наряде, выглядя комично и печально. Платье, которое могло бы смотреться ярко и соблазнительно на одной, на этих – скромных, не знавших порока девушках, выглядело ужасно.

Были среди них и те, кто не шелохнулись. Громко рыдали, скомкав в руках постыдные тряпки, но все еще не пере-

одевались. Через пять минут дверь снова скрипнула и в зал зашел тот самый Эли.

Он окинул девушек своим безжизненным взглядом. Молча кивнул «сподвижникам», те подошли к тем, кто пока оставались в своей одежде- их было трое. Одну из них схватили с двух сторон и в буквальном смысле разорвали все, что на ней было, в ключья, оставив в одном нижнем белье.

—Рахбиткун ария (араб.— она пойдет голая),— произнес Эли совершенно бесстрастно,— кто-то еще хочет испытать мое терпение?

Девушки начали плакать еще сильнее, но теперь всё же стали активнее снимать с себя собственную одежду. Несчастная, которую минуту назад раздели, попыталась было неуклюже тоже натянуть на себя вульгарную тряпку, но стоявшие возле нее экзекуторы резко ее одернули, дав оплеуху.

—Я сказал, ты пойдешь голая, раз не хотела принимать мой подарок! Палестинская сука!— он с размаху ударил ее по лицу, от чего та всхлипнула и начала плакать еще сильнее.

Через несколько минут девушек увели, и «голая» вынуждена была на негнущихся ногах и заливаясь слезами, идти туда, в бесчестие и неизвестность. У меня в ушах загудело еще сильнее. Я думала, что видела все проклятые Богом, насквозь пропитанные пороком и жестокостью места на Ближнем Востоке. Я ошибалась... Вид этих молодых и невинных, живущих до последнего в своем закрытом, консерва-

тивном обществе бедных девушек, для которых вот такой позор был в буквальном смысле равносителен смерти, стигматизируя их на всю оставшуюся жизнь, заставил меня почувствовать, как внутренности неприятно переворачиваются. Я попыталась не думать об их участии, абстрагироваться, сосредоточившись на мыслях о себе, но не выходило. Перед глазами все равно стояли бледные лица арабов, идущих за Удавом с фатальной обреченностью.

Палестинок привели обратно спустя три часа. Вернее, только троих из них, остальных не было. Те же, что вернулись, выглядели изрядно потрепанными- взлохмаченные волосы, следы размазанной по лицу помады, у одной из них даже был кровоподтек на губе. На нас они все так же не смотрели, вели себя тихо и подавленно.

—Их изнасиловали?—спросила я осипшим голосом.

—Уж явно не про культуру и искусство с ними говорили...— мрачно усмехнулась Ирка шепотом.— Давайте спать. И ты, Алёна, меньше смотри на этих сочувственным взглядом. Арабки... Этим все сказано. Они ненавидят нас. Мы для них все шармуты и шлюхи. Если бы ей сейчас сказали, чтобы она тебя убила за то, чтобы выйти отсюда, она бы не задумываясь сделала это,— отрезала она, пренебрежительно мотнув головой в сторону одной из девиц, которая сейчас забилась в угол, свернувшись калачиком, и плакала.

Я молча с ней согласилась. Потому что сама слишком хо-

рошо знала арабок. И действительно, какой бы ни была ситуация, они нам не союзники. Наверное, это генетически заложено. Их мужчины все равно будут реагировать на нас, как быки на красную тряпку, а они- вечно видеть в каждой из нас потенциальную соперницу.

Мы легли спать почти вповалку. Так было теплее и как-то даже спокойнее. Несмотря на адскую усталость, сна не было ни в одном глазу. Я все еще помнила ужас своего заключения в том жутком склепе. По сравнению с предыдущей ночью, условия здесь были почти пятизвездочными. Зато на душе было гораздо хуже, чем вчера. Там, в сыром мраке ограниченного пространства, я могла думать только о своем спасении либо смерти. Сейчас в голову лезли все мысли на свете, они заполняли мое сознание подобно тому, как муравьи атакуют дом- лезли во все щели. Мама... Должно быть, она места себе не находит сейчас... Больше всего сердце болело за нее. Дико хотелось утешить ее, успокоить, что все со мной в порядке, что все будет хорошо... Мне казалось, скажи я так, и реально со мной все было бы в порядке...

Сон, наконец, стал вить вокруг меня кривую, покореженную стрессом и переживаниями паутину, как вдруг дверь снова резко распахнулась. Нас всех тут же ослепил острый луч фонаря, гуляющий по лицам в поисках того, кто им был нужен.

–Ты,— указал на меня один из знакомых экзекуторов,— на
ВЫХОД.

Глава 6

-На выход,— он теперь подходит ко мне и размахивает прямо перед носом автоматом.

Внутри все переворачивается. Вот и по мою душу пришли... В голове сразу всплывают десятки страшных кадров возможного развития событий. Я незаметно щипаю свою руку, чтобы не впасть в панику... Нет, Алёна, ты не закончишь так нелепо свою жизнь...

—Вперед!-снова бряцает передо мной оружием, заставляя идти по коридору перед ним, под прицелом. И хотя я молча исполняю его приказ, получаю весомый подзатыльник и тут же- увесистый шлепок по пятой точке. Сжимаю до боли от унижения и беспомощности губы, чтобы не проронить ни слова, не дать ему радости почувствовать свое превосходство.

Я слышу, как он пошло- грязно усмехается мне вслед. Мне даже не нужно смотреть в его глаза, чтобы это понять. Это такая порода мужиков- мелких, боязливых, подлых. Они хуже баб в самом плохом, сварливом и склочном понимании этого слова. Из тех, кто ненавидит женщин а- priori за то, что сами ущербны. Мужчин они тоже ненавидят. Настоящих мужчин. Но их хотя бы боятся, поэтому и отыгрываются на женщинах.

Меня вталкивают в комнату. Посередине стол, по обеим сторонам которого два стула. Больше ничего.

У окна стоит Он. Тот самый, что Тигр. Мужчина, с головы до ног одетый в черное. По телу пробегает дрожь. Что сейчас будет?

—Иджлиси (араб.-садись), -говорит он мне на арабском, не поворачиваясь.

Я делаю, как велено, но он не спешит отходить от окна. Все так же повернут ко мне спиной. Я смотрю на его статную фигуру. Идеальные пропорции. Натренированное тело. Натренированное убивать. Я думала, что в ту нашу первую встречу это холод и шок так подействовали на меня, но нет. Я боялась этого человека, жутко боялась. Он внушал страх, оцепенение и трепет.

Развернулся он резко, не дав возможности скрыть то, что я его изучала. Я быстро опустила глаза, но успела поймать в поле своего зрения чуть тронувшую его капризные пухлые губы усмешку.

Чувствую, как подходит ко мне. Близко. Его энергетика волнами бьет по моему нутру. Пальцы касаются моего подбородка. Точно так же, как это делал Удав. И иначе. Они не горячие и не холодные. Жесткие. Мужские. Созданные для того, чтобы нажимать на спусковой крючок автомата. Интересно, умеют ли эти пальцы ласкать? Способны ли эти руки созидать или только уничтожать?

—Смотри в глаза,— следующий короткий приказ на арабском.

Почему он говорит со мной на арабском? Знает, что я понимаю? Как много он обо мне знает? Снова от страха и тревоги внутри все переворачивается.

Я опять повинуюсь и чувствую, как воздух покидает легкие. Его ртутная чернота прожигает дырки в моей душе. Я знаю, он видит меня всю, насквозь. Большой палец ложится на мою нижнюю губу, слегка на нее нажимает. Я чувствую легкую боль. Наверное, там все же ранка от собственного укуса.

—Алёна, да?— спрашивает тихо,— это ведь вариант имени Елена?

Я молча киваю.

—Из- за Елены развязалась «Троянская война»... Оскорбленный муж решил вернуть ее себе, забрав из объятий похитившего ее любовника... А тебя, Алёна, захотят возвращать?

Я молчала. Он усмехнулся. Отошел и сел на стул напротив. Снова смотрит этим своим испепеляющим взглядом. Он как вампир, только пьет не кровь, а мою решительность... Вблизи он еще более молод, чем мне сначала показалось. Мне кажется, моложе меня.

— Больно?— спрашивает вдруг, кивая головой в сторону ранки на губе.

Я машинально прикладываю руку ко рту. Машу отрицательно...

Он снова усмехается.

—Ты красивая, Алёна. Я понимаю, почему ты с ним пять лет...-наклоняет голову и продолжает меня изучать. Как же некомфортно от этого взгляда. Пронзительного, мужского, но холодного. Эта ртуть в черной бездне его глаз никуда не делась. Не убежать от нее. Она токсична.

Мне отчаянно хотелось то ли смеяться, то ли кричать, потому что нет никакого «с ним»... Потому что я не нужна Али, я выкинута им. Никто никуда возвращать меня не захочет. Знали бы они... Но я молчу, потому что и сама не понимаю, что делать. Как поступить правильнее. Каждое мое слово- как прыжок в темноту. Не знаешь- там пропасть или твердыня...

—Красивые женщины должны радоваться жизни, Алёна. Наслаждаться ее благами и услаждать своих мужчин. Несправедливо, что ты здесь. Но мы ведь можем исправить эту ситуацию? Скажи мне, на что готов пойти твой любовник ради тебя?

—Вы говорите о справедливости? Поэтому эти девушки в плену? То, что их продают, как товар, тоже ведь несправедливо? Но это никого не смущает... Справедливости нет. Придумайте другой дискурс.

Мои слова царапали мне горло, но я все равно говорила. Потому, что не могла не сказать. Я не была святой, да и, как вы уже поняли, поборницей справедливости тоже не была, но вид тех самых поруганных, испуганных палестинок во

мне что-то перевернул. Возможно, я где-то глубоко, внутри своей искусно запрятанной за камуфляжем цинизма души, проецировала их историю на себя. Когда-то я тоже была хорошей, чистой, неиспорченной. И явно не «справедливость» привела меня туда, где я была сейчас.

Мужчина чуть заметно поморщился.

— Какой же сильный у тебя заливной акцент... Тебе бы гораздо больше пошло говорить на ливанском диалекте арабского, а не на языке этих верблюжатников. Это сексуальнее... А еще тебе нужно думать о себе, Алёна, а не о других. Но ты так не умеешь, да? Знаешь, я уважаю русских женщин... честно. Не все из нас уважают. Многие считают вас доступными. Но я давно понял истину— ваша проблема в том, что в душе вы слишком добрые, мягкосердечные. Отсюда все ваши беды.

Я снова заставила себя поднять на него глаза. Чего же мне это стоило... Каждый наш зрительный контакт—настоящая попытка.

—Я не добрая и не мягкосердечная. Я плохая. Поверьте мне... Так что нет, это не про меня...

Он еще несколько минут прожигает меня глазами.

— Ильяс, зайди— приказывает мужчине чуть громче, так, что его слышат за дверью.

Потому что в ту же секунду в комнату входит тот самый чудак на букву «м», который гнал меня вшаей в эту комна-

ту.

–Тааль (араб.-подойди),– говорит он ему, не отрывая от меня взгляда.

Тот подходит к нему. Тигр тут же хватается его за руку, не разрывая нашего зрительного контакта. В следующую секунду я невольно вздрагиваю, потому что слышу ужасный, приглушенный хруст- это его палец хрустит. Сломанный палец. Мужик кричит и сгибается вдвое, при этом лицо моего «собеседника» совершенно непроницаемо, словно ничего не произошло. Я снова слышу хруст. Снова крик. Второй палец...

Не выдерживаю. Отворачиваюсь.

–Бикьяффи (араб.-хватит),– шепчу тихо. Отчаянно.

Я понимаю, что он хочет, чтобы я это остановила. От моего слова сейчас все зависит.

–Рух (араб.-пошел вон), -выдает мужчина корчащемуся Ильясу.

Мы снова остаемся одни. Я глубоко дышу, чтобы не расклеиться и не зарыдать при нем. А так хочется... как давно не хотелось...

Снова встает и подходит ко мне. Снова трогает меня за лицо. Проводит костяшками по щеке и скуле.

–Я сделал ему больно, потому что он сделал больно тебе. Вот справедливость, Алёна. Радуйся, пока она действует в отношении тебя. Но все может измениться. Как только ты потеряешь свою ценность как заложница, дорогая Али Мак-

диси, никакой справедливости для тебя не будет. Ясно?

—Ясно.— тихо отвечаю я.

— Что Али Макдиси делает в Ливане?—тут же накидывается он на меня с вопросами,— Зачем он приезжал? У него есть какие-то дела с кем-то из наших политиков?

Вот здесь мне реально захотелось засмеяться. Серьезно? Али Макдиси- и политика?! О чем он? Он же пустой болван! Что он мог делать в Ливане? Тусоваться, конечно...

—У меня есть хорошая привычка, свойственная всем красивым женщинам, я не лезу в дела больших мужчин...-отвечаю я тихо на французском. Почему-то его слова про диалект меня задели и больше не хотелось говорить на арабском.

Снова эта жесткая улыбка, отливающая ртутным блеском в глазах. От которой паника и дрожь. Он ловит это мое состояние и буквально наслаждается им. В этом немом разговоре проходит не меньше нескольких минут.

—Вам всё это нравится?— словно не я сейчас говорю слабым, хриплым голосом. Глупая Алёна. Умная Алёна бы, конечно, промолчала, просто наматывая на ус все происходящее.

—Поясни вопрос,— приподнимает бровь.

—В Вас два метра роста, столько силы... А Вы... девушек продаете... Достойное занятие мужчины... Нравится?

Он снова садится напротив меня. Не смеется. Наверное, я задела его. И хорошо, хоть какое-то удовлетворение, пусть я потом об этом и пожалею...

—А тебе нравится продавать любовь?

—Я не продаю любовь...

—Да ладно?—усмехается.

Я поднимаю на него глаза. Преодолевая всю себя, самую свою суть, буквально ломая свой страх, смотрю открыто и с вызовом. Потому что если сейчас сдамся и прогнусь, то точно потеряю себя. А этого произойти не должно. Я выживу. Я выберусь. И покажу им всем средний палец с их погаными межарабскими разборками...

—Нельзя продать то, чего нет... Я не испытываю чувства любви. Никогда. Это мое правило.

—Не перевирай. Тебя имеют мужчины... Ты продажная.

Я усмехаюсь— сейчас сердце бьется так сильно, что я, как кажется, уже даже меньше его боюсь.

—Я могу продать свое время, свое внимание, свое тело, удовольствие... Если хотите, я продаю чувство счастья. Но никто и никогда не сможет купить мои мысли. Здесь,—трогаю свою голову,— нет места ни одному из тех, кто пытался когда-либо меня купить. И не будет... Так что нет. Главное во мне все же цены не имеет...

Он смеется в голос на мою эскападу. Подходит ко мне снова, проводит по волосам и немного их прихватывает у основания, оттягивая. Не очень сильно. Мне не больно.

—Плохая, говоришь?—говорит, улыбаясь плотоядно. —Он бы тебя не пожалел. Если бы я сказал ему подойти к тебе и поломать твои тонкие пальчики, он бы спокойно это сде-

лал... Запомни, Алёна... Ты в безопасности, пока интересна как путь к Али... К его кошельку и к его делам. У тебя день, чтобы напрячь свою красивую головку и вспомнить, с кем он общался эти дни в Ливане. Лучше тебе быть полезной... Или принести прибыль в виде выкупа Удаву, чтобы он быстрее тебя отпустил. Потому что я не буду долго заинтересован в том, чтобы держать тебя под своей защитой. Дам «карт-бланш» (франц.-свобода действий) Удаву- а он уже решит, пустить тебя по кругу среди своих людей или продать на органы...

Снова отошел к окну, отвернувшись. Как показалось, полностью потеряв ко мне интерес.

Словно бы по мановению волшебной палочки в комнату снова зашли. На этот раз это был второй охранник.

—Если еще раз без приказа кто-то из вас начнет ее задирать или хоть пальцем прикоснется, я застрелю этого человека. Ясно?

Охранник кивнул. Мы вышли. Под прицелом я снова поплелась в зал с заложницами. Сердце в груди продолжало дико колотиться...

Глава 7

Глава 7

Меня вернули к заложникам, когда за окном уже занимался рассвет. Большинство девушек еще спали. Отдельные-сидели, прислонившись спиной к стене и смотрели в светлеющую пустоту. Кто-то лежал, свернувшись калачиком и тихо плакал. Когда тебе плохо и наступает ночь- тяжелее всего. Ты остаешься один на один со своими мыслями. Каждый сейчас доживал свой собственный ад. Скоро ночь закончится- и мы опять посмотрим в глаза друг другу. Найдем хлипкие мостики солидарности и будем строить нелепые иллюзии по поводу своего освобождения. А пока оставалось только считать минуты, когда солнечные лучи прыснут светом по грязным окнам этой покинутой учениками и Богом школы. Я тоже легла на пол лицом к стене, понимая, что мои иллюзии относительно освобождения, возможно, самые несбыточные из иллюзий всех собравшихся... Что я могла предложить взамен этим головорезам? Уж явно не то, что они от меня ждали... Али не придет за мной. Он не даст за меня ни гроша. Потому что для его текущего положения моя пропажа- лучший вариант. Пропавшая шлюха, слишком долго задержавшаяся при именитом отпрыске, бросив тень на всю благородную семейку. В таком свете меня видели там. Я была сама за себя. Только себе предоставлена.

–Эй,— услышала я рядом шепот Светы,— всё нормально?

–Нормально,— тихо ответила я, не поворачивая головы. Мне нечем сейчас было делиться с ней. Что я могла ей сказать?

–Они ничего с тобой не сделали? Это был Удав, да?—продолжала она, не теряя решительности раскрутить меня на разговор. А может быть, она попросту так бежала от своего ночного ада...

–Это был Даниэль.

–Даниэль?—удивилась она,— странно... Он не занимается пленниками. Он вообще бывает здесь нечасто, просто приезжает время от времени, чтобы Удав не считал себя пупом земли, напоминает, кто он такой. Его вообще не интересуют те, кто здесь содержится, будь то заложники или девочки на продажу. С чего ему встречаться с тобой? Что он хотел?

Я пожала плечами, так и не повернувшись к ней.

–Задавал наводящие вопросы про мою тургруппу,— наврала я тут же.

Светка вздохнула, явно разочаровавшись, не получив от меня никакой информации.

Я продолжала лежать и бессмысленно смотреть перед собой в стену. На душе была пустота и обреченность.

Наверное, прошло минут десять, может, пятнадцать. В комнату снова вломились без стука и утащили за собой двух девиц, явно выбрав их произвольно. После этого больше никто уже не спал. Девушки стали вставать. В конце зала был

небольшой санузел. К нему тут же выстроилась очередь. Кто-то вытаскивал из карманов расчески и приводил себя в порядок, как может. Кто-то совершенно не думал о своем внешнем виде, продолжая пребывать в состоянии полнейшей прострации.

—Почему увели тех девушек?—спросила я, когда мы с девочками стояли в очереди в санузел.

—Еду готовить,— ответила Ирка. С утра ее лицо было опухшим и заплаканным. Ночь здесь, видимо, далась непросто не только мне,— так каждый день. Девочки чередуются. После завтрака двух еще заберут на уборку и обстирку. Они считают, что нечего нас кормить и содержать за просто так. Так что приходится отрабатывать.

На последних словах она стыдливо отвела глаза. Я сразу поняла, почему. Из нашего первого разговора с ними было понятно, «отрабатывать» приходилось не только стиркой и готовкой...

Когда тебе очень плохо и вокруг беспросветная тьма, наличие массы вокруг- спасение. А еще спасение- это рутина. Максимальное сосредоточение на чем-то физическом, желательно, тяжелом... Чтобы мозги переставали перетягивать на себя все внимание. Природа побеждает. Организм перестраивается, направляя всю энергию в другое русло... Поэтому когда меня после завтрака в числе нескольких других девочек позвали на уборку, я даже испытала некоторое об-

легчение. Устану сильно- вырублюсь. Нехорошие мысли отступят.

Нас распределили по участкам. Мне дали швабру и ведро с серой, пахнувшей плесенью тряпкой. Отвели в большую комнату, более похожую на неопрятный офис с переоборудованными в столы партами, на которых безалаберно валялись какие-то бумажки, счета и карты. Я опустила тряпку в холодную воду, скользнув взглядом по рукам с красным маникюром, который, видимо, доживал свои последние деньки, возможно, как и я. Прополоснула тряпку и отжала. Когда мои руки умело сжали ручку швабры, усмехнулась. Я не занималась такой уборкой лет десять, а то и больше. И все равно, навык не растрочен. Помню, как мама заставляла меня мыть полы, а потом всегда перемывала следом за мной сама. Я тогда не понимала и обижалась.

«-Зачем делать двойную работу? Либо я, либо ты...-спрашивала я.

–Ты плохо моешь, но учиться надо. Если после меня будешь мыть- не поймешь и не узнаешь, сколько бывает грязи. А вот мне после тебя- самое то. Взрослые на то и нужны, чтобы исправлять ошибки детей».

Прошли годы- и я поняла, что мамина истина была ложной. Подчас дети совершали такие ошибки, что родители их исправить были не в состоянии. Зато в одном мама была права- молодец, что упорно заставляла меня надраивать пол в квартире. Это, оказывается, как водить машину- умение

длинною в жизнь...

Когда дверь в комнату, где я до этого была одна, хлопнула, невольно нервно дернулась. Спешно обернулась и увидела на пороге Удава, неприятное, склизкое ощущение страха снова сковало все нутро.

Я опять опустила глаза и начала старательно надраивать пол. Сердце колотилось где-то в районе груди. Он подошел не спеша. Обогнул меня и наступил на тряпку. На этот раз у него на ногах были какие-то уродливые, грязные, песочного цвета берцы.

-Как дела, шакраа (араб.— блондинка), освоилась?

Я молчала, потупив взгляд. Что говорить? Освоилась? Вжилась в роль жертвы или трупа?

-Зачем Даниэль вызывал тебя к себе?-перешел он сразу к сути, затем, видимо, и пожаловал.

Нажим на тряпку ослаб- и я смогла ее вытащить. Тут же с особой тщательностью снова начала надраивать пол. Психологическая защита. Усиленно занимать руки, чтобы вытеснить чувство страха. Так военные делают на поле боя.

Но у нас было не поле боя. Скорее, скотобойня... Возвращаемся к самому началу. Потому что Удав с силой схватил меня за волосы и прижал к стене. Его рука смягчила удар моего затылка о бетонную поверхность. Очевидно, навредить так, чтобы это было видно, он не хотел. Слова Тигра донесены были и до него. Да и вообще, я пока оставалась ценным

заложником.

—Отвечай, шармута,— прошипел сквозь зубы, еще сильнее сжав волосы. На моих глазах выступили слезы. Нет-нет, не подумайте ничего. Это просто физиологическая реакция. Когда натягивают скальп, слезные железы начинают работать активнее.

—Понравилась, наверное...-отвечаю, пытаюсь улыбнуться. Он не просто так здесь. Между ним и Даниэлем пропасть гораздо большая, чем может показаться. Возможно, там, на дне этой пропасти, и есть мое спасение...

—Таким, как Ламун, не нравятся шлюхи, шакраа... Не пытайся меня обмануть...

—Такие, как Ламун- тщеславны. А что может быть более льстящим тщеславию, как не интерес к женщине Али Макдиси? Вы ведь все так внимательно вглядываетесь в мои глаза, чтобы понять- что он во мне нашел...

Я шла ва-банк. Глупо шла, наверное, самонадеянно. Но у меня не было совершенно никаких козырей на руках. Только те, что дали они мне сами, подсказали. Единственный козырь- Али и все, что с ним связано. Вот только по факту не было никакого козыря. Я блефовала. Хотя за это спасибо Али. Он так отчаянно любил покер и так плохо в него играл, что я смогла хоть чему-то научиться, глядя на его проигрыши.

Эли усмехнулся. Немного ослабил хватку.

—Наглая сука...-выплюнул мне в лицо. Знай, что если твой

хваленый Али не вывалит за тебя пятьдесят миллионов долларов, ты пожалеешь, что родилась на свет... Думаешь, Ламун тебя защитит? Тигру плевать на тебя, идиотка. Ему просто нужны эти бабки, а еще нужно получить компромат на Макдиси. Хорошая тема для СМИ – «брат наследника Дубая разбазаривает бюджет на выкуп своей шлюхи из плена»... то, что нужно, чтобы маятник лояльности кланов в Эмиратах качнулся еще дальше от семейки твоего любовника. Так что не питай иллюзий, кахба (араб.– проститутка). Три шкуры с тебя сниму... Сначала сам, потом отдам своим мужикам, а потом-усмехнулся плотоядно... Вот тебе и узнаем, за что он тебя держал столько лет при себе... Всё просто.

В горле пересохло от страха Я верила его словам. Этот мерзавец не врал.

Он ушел так же, как пришел. Быстро и бесшумно. Дверь за ним захлопнулась, а я скатилась по стене вниз, глотая воздух ртом, как рыба. Отчаяние и паника впервые за все это время захватили все мое сознание, все мое нутро, всю мою суть. Я обречена. Меня никто не спасет. Я никому не нужна. Бедная моя мамочка. Прости меня, за то, что родила такую плохую, непутевую дочь, которая вместо того, чтобы сейчас жарить оладьи и кормить детей, оттирала грязь с пола в захваченной отморожками, торгующими людьми, школе. Отмывала грязь с пола, а с души своей отмыть не могла...

Глава 8

Глава 8

Несмотря на то, что Даниэль при той нашей странной ночной встрече в комнате сказал, что будет ожидать от меня ответа спустя сутки, больше я его за все эти дни не видела. По косвенным признакам поняла, что в школе его не было. Девочки ведь не зря говорили, что он сюда приезжает нечасто.

Между тем, время шло. Я пребывала в полной неизвестности о своей судьбе. Не знала, как они вышли на связь с Али и вышли ли вообще. В тот день, сразу после того, как Удав покинул комнату, следом за ним появились двое охранников, которых я раньше не видела. Без лишних объяснений они приказали мне встать к стене, дали в руки свежий номер ливанской газеты, чтобы было видно сегодняшнее число, сделали несколько фотографий. Могу представить, как паршиво выглядело на снимках мое лицо. А может и хорошо, что паршиво- фотографии, очевидно, делались для того, чтобы предъявить их как свидетельство того, что я у них и все еще жива. Вдруг у Али проснется жалость. Хотя какая жалость. Господи, пятьдесят миллионов долларов. Невозможная цифра. Астрономическая даже для нефтедолларовых небожителей с Арабского Залива. Особенно за эскортницу.

Прошло уже шесть дней с того момента, как я оказалась

здесь. Страшно было признать, но иногда мне казалось, что другой, нормальной жизни вовсе и не было. Что все мое существование- это облупленные стены актового зала с затхлым, спертым воздухом от переизбытка находящегося там скопления женщин. Что сработанные, обветренные руки от уборки или готовки в больших объемах- а мы делали еду не только на себя, но и на охранников- это моя реальность. И в то же время, труд стал моим спасением. Оказалось, что помогать по хозяйству можно вызываться самостоятельно. Заниматься всеми этими делами особенно не любили палестинки, предпочитавшие оставаться скопом в зале, причитать, плакать и молиться Аллаху. И я пользовалась этой возможностью и едва ли не каждый день за эту неделю занимала себя какими-то делами вместо кого-то из них, вызываясь добровольцем. Иногда со мной вместе просился на работу кто-то из европейских заложников. Нет, в них никогда нельзя было найти сердечных собеседников. Они все так же сторонились общения, замыкаясь в себе, но это было мне даже на руку. Я сама не жаждала сейчас общения, поэтому тоже искала все возможные способы спрятаться от моих товарок-славянок с их бесконечной болтовней и расспросами.

Шел седьмой день моего пребывания здесь. Несмотря на то, что накануне я в буквальном смысле «ушатила» себя работой, поспать так и не получилось. Сегодня истекал срок ультиматума по мне. Ультиматума, изначально обреченного на провал. Сегодня все решится... Сегодня я официально

потеряю свой мнимый иммунитет в глазах Удава и его отморозков, потому что Али, конечно же, не заплатит за меня ни копейки... Страшно? Да... Но страх какой-то странный, притупленный. Зудящий хронической болью где-то в печенках. Была ли во мне надежда? Обидно, но да. Я как дура на что-то надеялась... На удачу, везение... На себя... Последнее, конечно, было самым верным.

Сегодня я готовила завтрак. Когда на кухню поспешно зашел один из охранников и без объяснения причин быстро выпроводил меня наружу, под ложечкой засосало. Что это означало? Господи, может и правда за мной пришли, чтобы освободить? Может Али реально...

По мере того, как мы приближались к актовому залу, весь мой оптимизм таял на глазах. Ничего не будет. Меня пустят в расход. Как на скотобойне...

Зашла внутрь и встретила взбудораженных девчонок-подружек. По нездоровому огоньку в их глазах с примесью страха и надежды я поняла, что-то зреет. Что-то происходит.

– Каждую неделю Удав устраивает вечеринку. Если помнишь, когда ты только приехала, они увели на нее часть палестинок. Сегодня наша очередь. Он захотел, чтобы это была «славянская вечеринка». Тебе тоже приказано там быть.

Мое сердце ушло в пятки. Не потому, что я боялась неизвестности. Потому, что я как раз знала, что за этой неизвестностью стоит... Это мое знание пустило по венам волну тухлой, ядовитой субстанции. Я слишком хорошо была зна-

кома с пороком арабских мужчин. Это трясина. Из нее не выбраться, если ты трепыхаешься и сопротивляешься. Это только сильнее их распаляет, заставляя тебя захлебываться в беспомощности.

—Нас будут там продавать?—сорвалось с моих губ тихо.

—Это едва ли,— хмыкнула Ирка горько,— продают в основном девственниц. А то, что мы из кабаре, знают все... Нет, пойдем развлекать этих ублюдков бесплатно. Танцевать заставят. Всегда заставляют. Наши красиво танцуют, они знают об этом.

К горлу подступила тошнота, но я начала глубоко дышать и пытаюсь найти точку опоры. Я смогу. Я выдержу. Судьба захотела похоронить меня в этом логове, дав прочувствовать сполна собственное бесчестие, но я ее переиграю. Я выплыву на своем бесчестии. Или я буду не той, кого все эти тридцать лет видела в зеркале- неважно, в короне из бисера, которую сплела сама, или из бриллиантов, которые мне дарили мои всесильные любовники, терявшие от меня голову.

—Кто там будет,— сказала я, с трудом скрывая свое волнение и поправляя платье в блестках, на которое девчонки теперь смотрели с нескрываемой завистью, озадаченностью и удивлением. Мне дали мой чемодан. Сказали, могу выбрать оттуда одежду для вечера- либо они принесут свою и заставят ее одеть. То, что они приносили, я уже видела на палестинских беженках. Спасибо, не надо. Если в таком платье

предстать на Божьем суде, тебя гарантированно попрут ото всюду. В раю скажут, что ты дешевая проститутка. В аду- что катастрофически безвкусна... И вот даже не знаю, какой из грехов страшнее. Открыла чемодан и в душе всё аж перевернулось. Я трогала свои вещи- и не верила, что это всё мое, что это все было со мной. Тонкое кружево нижнего белья из Агента Провокатора, пеньюары из нежного шелка, брендовые вещи, на некоторых из которых еще были этикетки- результат моего наезда на один из шоппинг-центров.

На самом верху чемодана небрежно брошенный мною белый халат- платье, в котором я была в день отъезда. Прислоняю его к лицу. Вдыхаю запах своих духов и парфюма отеля, впитавшегося с ткань- я его хорошо знаю- так пахнут многие отели в арабском мире... Смесь мускуса, уда и пачули. Дежа вю... Такое сильное, что глаза щиплет. Как отчетливо я сейчас почувствовала эту разницу- между той мною и той, что сидела сейчас здесь, на полу... Моя прошлая жизнь... Пустая, зато облаченная в золото гламура...

А вот и коронное платье для клуба- миниюбка, пикантный вырез на груди почти до пупка, всё в блестках. Мечта любого араба и любой кабарешницы. Удивительное совпадение вкусов и эстетики этих двух противоположных полюсов. Даже забавно- хоть в чем-то они смотрят на мир под одним углом.

–Удав зовет своих дружков. Из равных. Себе подобных.

–Ламуна не будет?– зачем-то спросила я... Наивная. Что

даст мне его присутствие? Почему я решила, что он не позволит псам Эли меня унижить и поиметь?

Светка язвительно хмыкнула.

—Конечно, нет. Ламун специализируется на моделях и певичках. Зачем ему девки на продажу, когда любая ливанка с ним и так пойдет. Он же здесь как звезда. Был бы интернет, показала бы тебе фотки... А это,— презрительно махнула она головой,— Это не для элиты тусовка. Грязная, пошлая оргия, Алёна... даже представить себе не можешь, в каких свиней они превращаются, когда напиваются в хлам. Хотя... Судя по твоим припрятанным в чемодане нарядам, может и можешь представить...

—Я взяла это платье в багаж, чтобы пойти в клуб, что такого?—сказала я невозмутимо, поправляя бретельки и отбрасывая полуагрессивный заход.

—Ну да, ну да...—снова в спину язвительно-скептический комментарий.

Всем трем девушкам пришлось воспользоваться «щедростью» хозяев и взять выделенные им из запасов платья... Ужасные, конечно. Два из них я узнала по прошлой неделе. Правда на наших девочках смотрелись они многим лучше, чем на палестинках. Фигуры у славянских баб, конечно, отменные в любом возрасте. Мозгов бы только было побольше. Нынешняя ее реакция-наглядный тому пример...

Женская ревность и зависть... Самые деструктивные чувства... Девочки выходили на поле своего боя. И мне незри-

мо казалось, что они не рады моему присутствию... Конкуренция? Хотелось сначала поперхнуться, а потом истерично смеяться от того, как примитивно работал их мозг... Мозг шлюхи... Вот оно и отличие, о котором так любила говорить Людмила. «Не принимайте оскорбления в том, что вы шлюхи на свой счет. До определенного времени не принимайте...

Когда в вашей голове появится понимание, что продать и купить можно все, тогда вы и станете шлюхами. А до этого- вы просто свободные женщины, делающие свой выбор по жизни...»

Глава 9

За нами пришли в районе одиннадцати вечера. Повели по знакомому коридору, только на этот раз в другую сторону. Впереди, судя по всему, был такой же актовый зал, в каком находились и мы. Только если из нашего можно было услышать женский плач и причитания, здесь, с отдаления, слышалась музыка и тянуло запахом алкоголя и еды.

Мои «подружки» зашли первыми. Когда я ступила на порог, путь рукой мне преградил Удав. Наши взгляды пересеклись. Его безжизненные глаза смотрели на меня теперь с триумфом, в котором отчетливо читалась похоть и даже садизм.

—Ну что, шакраа, брошена и покинута? Никто за тобой не пришел...— издевательство в его тональности было в буквальном смысле приторным, перезрелым настолько, что хотелось плюнуть в ответ.

Но я терпела и молчала, с той лишь разницей, что теперь заставила себя в открытую смотреть ему в глаза, не бояться и не ретироваться перед его пустым, холодящим кровь в жилах взглядом. Это было непросто, даже жутко, но я пересиливала себя. Наверное, это тоже что-то из нашей психологии. Страх во многом— это наша естественная защита. А что делать, когда защищаться нечем? Мне сейчас некуда было отступать, нечем прикрываться. У меня не было защиты— ни реальной, ни мифической. Нет защиты— нет страха.

Он, казалось, почувствовал перемену во мне. Приблизился совсем близко, плотоядно осмотрел меня с ног до головы.

– Я же обещал тебе, что пушу по кругу...-усмехнулся, – вот и пришло время исполнять обещание...

Я презрительно скривила губы- и ему это явно не понравилось. Этот мужчина не принимал вызов от женщины в какой-либо форме.

Схватил за волосы у корней, больно, дернул на себя, заставив опять поднять на него глаза.

– Не волнуйся, я буду первым...

Его гадкий смех у меня за спиной все еще звенел в ушах, когда мы вошли внутрь. Большое помещение с приглушенным светом, на заднем плане музыка. Столы с изысканными закусками, дым от сигар, дорогой алкоголь... Словно бы я перешагнула не порог комнаты, а какой-то временной и пространственный портал. Почувствовала на себе сразу несколько пар похотливых глаз. В комнате было не более четырех-пяти мужчин. Они вальяжно лежали на диванах- кушетках, что называется, «культурно отдыхая». Ира и Света уже разносили подносы с напитками и едой. Катя уже сидела на руках у какого-то уроды, гладившего ее по оголенной спине. Она из нас была самая молоденькая и миловидная. Бедная. Значит, достанется ей немало. Впрочем, это ее проблемы. Здесь и сейчас каждая из нас сама за себя. Не верь. Не бойся. Не проси...

—Познакомьтесь, господа, у нас сегодня крупный улов. Эта красавица- шлюха Али Макдиси, родного брата правителя Дубая,— торжественно произнес Удав, желая, видимо, максимально меня унижить.

В комнате раздался гогот. Оглушающий, заставляющий в голове лопаться микрососуды от презрения и отвращения. Светка, понимавшая немного по-арабски, бросила на меня острый, злобный взгляд, в котором одновременно читался укор, озарение и, опять же, черная зависть. Оставалось только добавить «так вот ты кто»...

—Что она умеет?—послышался хриловатый голос одного из мужиков.

Удав усмехнулся.

— Думаю, многое... Сегодня проверим.

Он схватил меня за талию, в буквальном смысле швырнул на одну из кушеток, а сам уселся рядом, закинув на мое бедро свою руку. Гадко, противно...

Но самым противным было не это. То, как вели себя девушки, вот что заставляло меня в буквальном смысле подавлять спазмы рвотного рефлекса. Они лебезили, заискивали, наигранно хихикали и пресмыкались перед этими сволочами, с лихвой наслаждающимися их зависимостью и беспомощностью. Если бы мне не было так противно сейчас, да и будь я меньшим реалистом, а скорее философом, я бы точно сказала, что все происходящее сейчас перед моими глазами- возмездие, кара мне, показательная порка от того, кто

сидел там, на небесах, и засчитывал наши грехи. Сколько раз в своей жизни я была на мероприятиях, где девушкам приходилось вести себя так же? Да и я сама? Насколько ничтожно сама не раз выглядела, участвуя в развлечениях своих богатых покровителей? На сколько всего закрывала глаза, не думая о моральных аспектах происходившего...

Они пили и пили, распаяя себя все больше. Не прошло и двадцати минут, как Катя перекочевала на руки к следующему уроду. Я вжималась, как могла, в диван, настраивая себя на то, что мне нужно преодолеть чувство брезгливости и ненависти к уроду рядом со мной и попытаться сделать так, чтобы мое «общение» сегодня ограничилось хотя бы только им. Меньшее из всех зол. Удав все так же тискал мои бедра, отвешивая то и дело сальные шуточки.

Вопрос был не в том, что я была ханжой или резко вдруг задумалась о морализме. Я просто пыталась выстроить наиболее беспроегрышную линию для себя. Я ведь умнее и на порядок круче этих несчастных кабарешиц. Для меня есть явно другой выход... Важно только найти ключ к этому самому выходу.

— Йа сабайя (араб.— девчонки), хочется чего-то сладкого,— сказал один из мужиков. Самый тучный из всех присутствовавших. Сидевшая с ним на кушетке Ирка хихикнула.

— У нас среди девочек и мальчиков есть забавная игра,— начала она тараторить на английском с сильным акцентом,—

называется «бутылочка». Парни и девушки садятся в круг, ставят перед собой пустую бутылку, крутят ее по очереди. На кого горлышко покажет, того крутящий и целует...

Мужчины одобрительно гаркнули.

—Только поцелуйи здесь ваши никому не нужны...— вмешался Удав с похотливой усмешкой.

—Мне нравится игра, Эли,— ответил примиряюще задававший вопрос мужик,— очень нравится. Только мы ее слегка изменим... Крутить бутылку будут только мужчины- и они сами будут решать, что просить у той, на кого покажет горлышко.

Я на секунду зажмурила глаза, проглатывая очередную поданную холодной порцию унижения. Вот и началась «кульминация» вечера. То, для чего эти позвали нас сюда.

Удав заставил меня встать с кушетки, шлепнув по заднице. Мы тоже подошли к толпе рассеявшихся по кругу. Толстый взял бутылку виски, выпил прям из горла последние капли и положил перед нами, тут же начав ее крутить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.